



УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Булгаков Серафим

Догмат о воскресении человеческого тела

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)



Киев
2012



Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

~~A-43~~
~~855~~

~~КНЕВСКАЯ
Православная Духовная
Семинария~~

~~184 г.~~

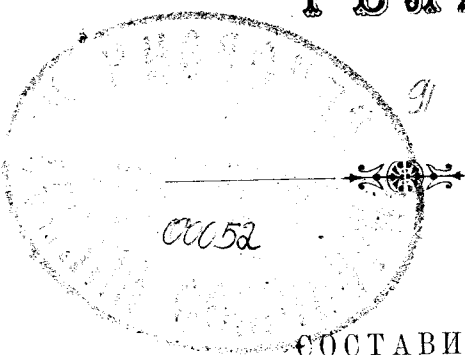
~~Киев, ул. Жертв. Свободы 4~~

ДОГМАТЪ

О ВОСКРЕСЕНИИ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО

ТѢЛА.



БИБЛИОТЕКА
Олсс. Дух. Семинарии
Отд. XI № 315
Б 90 ИНВ. 14. 829

СОСТАВИЛЪ
СЕРАФИМЪ БУЛГАКОВЪ.

КУРСЪ.

Типографія П. З. Либермана, бывш. Бр. Вайныхъ.

1904.



Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, Юня 5-го дня, 1904 года.
Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
1) Важное значеніе истины воскресенія чело- вѣческаго тѣла въ общей системѣ христіанскаго вѣроученія	1
2) Краткая исторія догмата о воскресеніи чело- вѣческаго тѣла	4
3) Доказательства истины воскресенія чело- вѣческаго тѣла изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заѣта	6
4) Всеобщность воскресенія. Каковы будутъ тѣла будущаго воскресенія по существу своему и основнымъ элементамъ? Каковы они будутъ въ сво- ихъ свойствахъ и состояніи	15
5) Доказательства истины воскресенія чело- вѣческаго тѣла изъ Священнаго Преданія	21



Догматъ о воскресеніи человѣческаго тѣла.

I.

Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Яко грядетъ часъ, въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотворшии благая, въ воскресеніе живота: а сотворшии злая, въ воскресеніе суда (Іоан. V, 25, 28, 29. Ср. 1 Кор. XV, 53, 54).

Анализъ общей системы христіанскаго вѣроученія открываетъ въ ней важный пунктъ, составляющій существенную часть догматики,—это ученіе о воскресеніи человѣческой плоти. По смыслу христіанскаго ученія, тѣло человѣка есть существенная часть природы его и орудіе души; отсюда ученіе Св. Церкви Христовой, что тѣло человѣка не должно погибнуть навсегда съ физическою смертію своею, но должно быть *въ послѣдній день міра* (Іоан. VI, 54) снова воззвано къ жизни дѣйствиємъ всемогущества Божія для вѣчнаго участія въ прославленомъ состояніи духа, по образу воскресшаго Спасителя. Опирающееся въ своемъ основаніи на ученіе ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго Божественнаго Откровенія, и имѣющее своимъ залогомъ воскресеніе изъ мертвыхъ Господа нашего Іисуса Христа—Родоначальника нашего спасенія ¹⁾, это ученіе Св. Церкви сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ въ христіанскомъ вѣроученіи, такимъ событіемъ, на которомъ, по слову апостола (1 Кор. XV, 12—23), зиждется все христіанство, такъ какъ оно доказываетъ божественную и человѣческую личность Основателя христіанства. Измученный страданіями, пригвожденный ко кресту, пронзенный ударомъ копья, Іисусъ Христосъ, согласно ветхозавѣтнымъ предсказаніямъ, не остался однако во власти смерти, но

¹⁾ Тертул. De resur. carnis. 2, 48. 51.

через три дня смертнаго покоя возсталъ отъ мертвыхъ и необычайнымъ чудомъ Своего воскресенія показалъ побѣду надъ смертію, Свою божественную власть и могущество ²⁾ и удостовѣрилъ истинность будущаго воскресенія всѣхъ людей—потому что, если Онъ возсталъ, то прилично будетъ возгласить апостольское слово: *како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть*? (I Кор. XV, 12); для укрѣвленія вѣры въ эту истину Спаситель, по выраженію Тертуліана, доказалъ воскресеніе „не только чрезъ Себя, но и на самомъ Себѣ“. Вотъ поэтому то ученіе о воскресеніи имѣло и имѣетъ великое значеніе для христіанъ,—„надежда христіанъ—воскресеніе дѣлаетъ насъ вѣрующими“ ³⁾; „воскресеніе—утѣшеніе во время гоненія и въ несчастіяхъ“ ⁴⁾. Съ другой стороны, воскресеніе человѣческой плоти является завершительнымъ пунктомъ божественнаго дѣла нашего спасенія, завершительнымъ моментомъ домостроительства Божія о человѣкѣ, его необходимѣйшее и важнѣйшее развитіе. *Мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему* (Рим. VIII, 23)—говоритъ ап. Павелъ. Освобожденіе тѣла отъ смерти и возведеніе его къ предназначенному совершенству и произойдетъ въ его воскресеніи, которое явится завершеніемъ домостроительства Божія о человѣкѣ и послѣднимъ актомъ искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, послѣ котораго Онъ предастъ царство Богу и Отцу (I Кор. XV, 24). Такой взглядъ на истину воскресенія человѣческаго тѣла всецѣло опирается на Св. Писаніе, которое многократно указываетъ ⁵⁾ намъ въ этой истинѣ такой фактъ, который запечатлѣваетъ собою все дѣло искупленія и безъ котораго самое примиреніе съ Богомъ во Христѣ представляло-бы мало утѣшительнаго ⁶⁾. Дальше, загробное существованіе души, о которомъ учитъ Божественное откровеніе, хотя и представляетъ полную жизнь, однако не можетъ считаться завершеніемъ Божественнаго домостроительства о человѣкѣ, цѣль котораго—привести согрѣшившаго человека къ тому совершенству, къ какому онъ былъ предназначенъ. „Хотя бы душа осталась и тысячу

²⁾ Ibid. III, 22; I, 21. Adv. Marc. V, 9.

³⁾ Тертул. De resure. carn. I. Кирил. Иерусал. XVIII, 1, *огласительн. поуч.* Св. Іуст. „Слово о воскресеніи“, п. 10.

⁴⁾ Св. Игнат. Богонос. *Посланіе къ Смирн. гл. 3.*

⁵⁾ Іоан. XI, 25; VI, 39; I, Кор. XV, 22.

⁶⁾ Ученіе Св. Пис. о смерти, загробн. жизни и воскресеніи изъ мертвыхъ, изслѣд. священ. Темномѣрова, гл. III-я.

разъ была безсмертною, какова она и есть,—говорить св. Златоустъ,—но безъ тѣла она не получитъ неизреченныхъ благъ, равно какъ и мученій. Посему и говоритъ: *еще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣвши всѣхъ челоуѣкъ есмы...* Если не воскреснетъ тѣло, то и душа останется не увѣнчанною—внѣ блаженства небеснаго; если такъ, то мы тогда совершенно ничего не получимъ; если же тогда ничего не получимъ, то награды наши въ настоящей жизни. Посему говоритъ, можетъ-ли что быть несчастнѣе насъ“ ⁷⁾. Теперь, если загробное существованіе души (внѣ тѣла) не представляетъ въ себѣ конечной цѣли домостроительства Божія о человѣкѣ, то оно и не можетъ продолжаться вѣчно. Если же такъ, то для души долженъ быть исходъ изъ этого состоянія лишенія, и онъ возможенъ единственно въ новомъ и неразлучномъ (вѣчномъ) соединеніи ея съ тѣломъ. Дѣйствительно, Божественное Откровеніе говоритъ намъ, что нѣкогда умершіе возстанутъ съ своими тѣлами, каковое дѣйствіе всемогущества Божія называется воскресеніемъ мертвыхъ. Отсюда ясно, что въ воскресеніи человѣческой плоти и только въ немъ—завершеніе домостроительства Божія о человѣкѣ ⁸⁾. И такъ, положеніе, что воскресеніе человѣческой плоти есть завершительный моментъ божественнаго дѣла нашего спасенія, доказывается двоякимъ образомъ.

Наконецъ, въ третьихъ, о великомъ значеніи и важности истины воскресенія человѣческаго тѣла въ общей системѣ христіанскаго вѣроученія весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ исторія первыхъ вѣковъ христіанства. Весь христіанскій міръ, по свидѣтельству ея (исторіи), жилъ и дышалъ идеею воскресенія человѣческой плоти. Самые лучшіе и благороднѣйшіе люди того времени изъ-за нея готовы были жертвовать своею жизнію. Безъ преувеличенія можно сказать, что этотъ вопросъ былъ могучимъ двигателемъ духовной жизни челоуѣчества, былъ поистинѣ кровію, обращающеюся въ жилахъ всего христіанскаго міра, живою силою, поглащавшею все другіе интересы жизни; онъ привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе; споры изъ-за него, по словамъ бл. Августина, были горячіе и упорные ⁹⁾.

⁷⁾ На I Кор. бесѣда 39; Твор. св. Іоан. Златоуст., ч. II-я, стр. 335.

⁸⁾ Разсужд. о воскресеніи изъ мертвыхъ священ. Темномѣрова, гл. III-я.

⁹⁾ „Ни въ какомъ дѣлѣ не было столь горячаго, столь упорнаго, столь усиленнаго и спорливаго прекословія, какъ въ вопросѣ о воскресеніи плоти. Ибо и о безсмертіи духа многие даже изъ языческихъ философовъ много разсуждали (спорили), и написанное о томъ, что челоуѣчскій духъ безсмер-



Резюмируя все сказанное доселѣ, мы получаемъ слѣдующія мысли: догматъ о воскресеніи человѣческой плоти есть а) первая и великая надежда христіанъ, б) завершительный моментъ домостроительства Божія о человѣкѣ, с) и, наконецъ, утѣшеніе во время гоненія и въ несчастіяхъ и убѣдительный мотивъ для нравственности и добродѣтели 10).

II.

Но чѣмъ важнѣе какой-либо пунктъ христіанской догматики, тѣмъ сильнѣе является отрицаніе его со стороны враговъ Церкви Христовой — язычниковъ, христіанскихъ еретиковъ и проч. Тогда какъ для ясно понимающаго и живо чувствующаго истину спасенія во Христѣ благотворная и утѣшительная истина воскресенія смертной человѣческой плоти является несомнѣнною, для людей противоположнаго направленія (каковы язычники, христіанскіе еретики и проч.) она, наоборотъ, представляется дѣломъ абсолютно невозможнымъ. Последніе, по безсилію своей мысли, измѣряютъ божественное всемогущество только своими человѣческими мѣрами и потому никогда не могутъ понять, какъ это невозможное для людей, можетъ быть исполнено Богомъ. Они стараются выдумывать всякія затрудненія для Божественной силы, наивно предполагая, будто эта сила имѣетъ въ своей дѣятельности нѣкоторыя степени и одно совершаетъ съ трудомъ, другое — легко, третьяго же не можетъ совершить 11). Кто же, естественно спросить, противился догмату о воскресеніи человѣческой плоти и вовсе отрицалъ его? Противниками христіанскаго ученія о воскресеніи мертвыхъ яви-

лись, оставили во многихъ и многосложныхъ книгахъ. Когда же была рѣчь о воскресеніи плоти, то они не колебались, но открыто прекословили, и прекословіе ихъ такое, что не можетъ, говорятъ они, быть, чтобы та самая земная плоть могла взойти на небо (воскреснуть*).

10) Кирил. Іерус. Огласительн. поуч. XVIII, 1.

Будущее воскресеніе человѣческой плоти, о которомъ у насъ рѣчь, по своему существу имѣетъ быть совершенно отличнымъ отъ воскресенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ (3 Ц.р. XVII, 19—22; 4. Цар. IV, 29—35; XIII, 21; Нов. завѣт. Лук. VII, 11—15; Мр. V, 42; Иоан. XI 43—44 и др. То были случаи возвращенія человѣка къ здѣшней земной жизни; а такъ какъ души ихъ были соединены съ прежними земными тѣлами, то они не освобождались отъ закона смерти и снова умерли. Будущее же воскресеніе, напротивъ, имѣетъ съ возстаніемъ тѣла заключаетъ въ себѣ совершенное уничтоженіе смертности въ тѣлесной природѣ человѣка, такъ что воскресшіе умереть уже не могутъ (Лук. XX, 36). Ясно, что тѣла будущаго воскресенія вступятъ въ новый и неразлучный союзъ съ безсмертными душами. Кромѣ уничтоженія смертности и всѣхъ слѣдствій грѣха въ тѣлѣ человѣка послѣднее будетъ возведено къ возможному для него совершенству.

11) Догматич. система св. Григорія Нисскаго. Соч. В. Несмѣлова. Казань 1887.

лись, прежде всего, 1) почти всѣ языческіе философы 12); 2) Саддукеи: въ той день приступиши къ нему саддукее, иже глаголютъ не быти воскресенію (Мф. XXII, 23; Дѣян. IV, 2); 3) во времена ап. Павла, нѣкіе Именей и Филитъ (2 Тим. II, 17—18) 4); многіе еретики, появившіеся послѣ Христа, а именно: ересіархъ Симонъ Волхвъ, Кердонъ, Маркіонъ, Василидъ, Апеллесъ и иные гностики, совершенно отрицавшіе воскресеніе мертвыхъ (Св. Іустина философа, соч. о воскресеніи плоти, гл. IX, примѣч. 20. Тертул. De resur. carn., 19). За истинность этого положенія говоритъ святоотеческая литература. Такъ въ концѣ книги de Praescriptionibus Haereticorum Тертуллианъ перечисляетъ еретиковъ, которые возмущали Церковь Христову въ первые вѣка ея существованія и большею частью тѣхъ, которые возставали противъ ученія о воскресеніи тѣла, а именно: Сатурнина, Василида, Офитовъ, Карпократа, Кериноа, Валентина, Птолемея, Секунда, Марка и Колорваса (Colorbasum), Кердона и ученика его Маркіона (родомъ изъ Понта), Лукіана и Апеллеса. Свѣдѣнія о каждомъ изъ указанныхъ еретиковъ въ отдѣльности находятся въ твореніяхъ Св. Епифанія Кипрскаго 13), который учитъ, что отъ Симона Волхва — вождя и родителя еретиковъ въ Церкви Новозавѣтной, воскресеніе тѣлесной субстанціи отвергнуто, и что секты, произшедшія отъ него, пребывали въ заблужденіи 14). Изъ

12) Дѣян. XVII, 18; XXIV, 15. Тертул. De resurrect. carnis I. *Вл. Август.* in. Ps. 88. См. соч. Св. Іустина „о воскресеніи плоти“ гл. X-я. *Миницій Феликса* соч. Октавій гл. XI. Въ ней выводится язычникъ Цецилій, считавшій вѣру христіанъ въ воскресеніе тѣла безуміемъ и баснею. *Герорій Гетелль* „Tractatus theologicus de iudicio universalis“, стр. 89.—(17—27 г.), „Disputatio III de resurrectione mortuorum“. *Эпикурова школа* говорила, что по смерти нѣтъ ничего. *Платонъ* утверждалъ, что души, достаточно очистившіяся, будутъ жить безъ тѣла (De Phaed. LXII).

13) По свѣдѣльству св. Епифанія Кипрскаго, Вардесанъ (родомъ изъ Месопотаміи — изъ жителей города Эдессы) сначала держался благочестиваго образа мыслей, но послѣ былъ увлеченъ Валентиніанами къ отрицанію воскресенія тѣла и другимъ заблужденіямъ (Твор. 2 ч., 56-я ересь, стр. 453. Изд. 1864 г.). Вотъ почему и Евсевій, церковный историкъ, говоря о Вардесанѣ противоположное, именно: онъ былъ воспитанъ въ школѣ Валентина, но возвращенный къ церкви Христовой, вовсе бросилъ и обличилъ ошибки Валентина (4 Hist. Cap. ultim.), замѣчаетъ: „впрочемъ древнія ошибки не совершенно истребилъ“.

14) Маркіонъ и его послѣдователи, выходя изъ своего дуалистическаго начала и полнаго презрѣнія плоти, какъ произведенія Диміурга, и самаго Создателя плоти, отвергали, или точнѣе — искажали идею воскресенія; по выраженію Тертуллиана, они признавали только полу-воскресеніе (dimidiam resurrectionem), воскресеніе души, и отрицали воскресеніе тѣлесной субстанціи (De resur. carnis 2). См. творен. Епифанія Кипрскаго II ч. гл. 4—5. ересь 22 (42), стр. 133. Изд. 1864 г.

Лосиево, который описывается у Евсевія однимъ изъ первыхъ еретиковъ, Philastrius приписываетъ также то, что онъ не надѣялся на будущее воскресеніе плоти (duod de carne non speret resurrectionem futuram). 4 Hist. Cap. 21. Haer. 4-я.



У кн. противъ ересей (гл. II, 2) Св. Иринея, еп. Лионскаго, также открывається, что Валентиніане или гностики, протівъ которыхъ онъ писалъ, отрицали и презирали возрожденіе плоти, говоря, что она неспособна къ участию въ нетлѣннѣ. Къ отрицателямъ истины воскресенія человѣческой плоти также относятся слѣдующія лица: 1) *эпикуреецъ Цельсъ*, жившій, по словамъ Оригена (I. 8), „при Адрианѣ (императорѣ) и въ послѣдующее за тѣмъ время“. 2) *Іоаннъ Филоппонъ*, философъ¹⁵⁾, усердно занимавшійся Платономъ и Аристотелемъ, по прозванію Грамматикъ (Grammaticus). Въ новѣйшее время многіе изъ протестантовъ—Эккерманъ, Аммонъ, Де-Ветте ученики Гегеля принимали ученіе о воскресеніи мертвыхъ за ученіе о нравственномъ преобразованіи человѣка. Наконецъ, слабыя и блѣдныя представленія жизни вѣчной встрѣчаются въ нѣкоторыхъ философскихъ теоріяхъ и нашего времени; къ нимъ близко—умствованіе современныхъ намъ штундистовъ о всеобщемъ воскресеніи въ духовномъ, переносномъ смыслѣ, умствованіе, начатки котораго видны были во времена св. ап. Павла (2 Тим. 2, 17—18).

III.

Св. отцы и учителя Церкви самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства—Іустинъ, Аѳинагоръ, Тертуллианъ, Иринея и др., исповѣдуя по примѣру учениковъ и апостоловъ Христовыхъ истину воскресенія человѣческой плоти, всѣми силами старались уберечь, защитить ее отъ невѣрія и нападеній еретиковъ и язычниковъ. Хотя въ писаніяхъ апостольскихъ говорится только вообще, что въ воскресеніи всѣ получаютъ свои тѣла—прославленные и нетлѣнныя, но указанные нами отцы и учителя Церкви Христовой рѣшительно утверждали полное, простирающееся на всѣ части организма, тожество тѣлъ¹⁶⁾, которыя мы имѣемъ получить въ воскресеніи, съ тѣми, которыя мы носимъ теперь, выходя въ этомъ случаѣ изъ понятія о человѣкѣ, какъ среднѣмъ между безплотными ангелами и матеріальными тварями природы существъ, и изъ понятія о тѣлѣ человѣка, какъ храмѣнѣ духа, существенной не въ об-

¹⁵⁾ См. „Разсужденіе Георгія Каликста“ De resurrectione carnis, гл. IV, п. XIII, стр. 28—29.

¹⁶⁾ Позднѣйшіе восточные отцы Церкви и не всѣ впрочемъ раздѣляли это мнѣніе; св. Григорій Богословъ и св. Василій Великій были противъ совершеннаго тожества тѣлъ воскресшихъ съ настоящими. См. Schwane, Dogmengeschichte de vornicaeschen Zeit, s. 476.

щемъ только, но и во всѣхъ частяхъ и членахъ своихъ. Мало этого. Защищая православное ученіе о воскресеніи человѣческой плоти отъ нападеній язычниковъ и еретиковъ, пастыри Церкви Христовой¹⁷⁾, употребляли обыкновенно доказательства двоякаго рода: изъ Св. Писанія и изъ здраваго разума. Выяснимъ сначала основанія изъ Св. Писанія, въ силу которыхъ православный догматъ о воскресеніи человѣческаго тѣла долженъ приниматься человѣческимъ разумомъ, какъ а) дѣйствительная, б) возможная и, наконецъ, с) необходимая истина. Утвержденіе этихъ трехъ положеній всецѣло утверждается на непререкаемыхъ свидѣтельствахъ Св. Писанія.

III.

Благотворная и утѣшительная истина всеобщаго воскресенія со всею подробностью и ясностью была открыта въ Новомъ Завѣтѣ; но въ нѣкоторой степени была извѣстна и въ Ветхомъ. Начиная съ первыхъ главъ книги Бытія, въ писаніяхъ ветхозавѣтныхъ есть много указаній на эту высочайшую истину, которыя (указанія) понятны были отчасти и религіозному сознанію древнихъ евреевъ, а тѣмъ болѣе понятны намъ, христіанамъ, при свѣтѣ новозавѣтнаго Откровенія. Въ этихъ указаніяхъ выражается дѣйствительность факта воскресенія мертвыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, внимательно анализируя совокупность ветхозавѣтнаго ученія о Богѣ и человѣкѣ, а также обѣтованіе объ имѣющемъ явиться въ мірѣ Мессіи, мы приходимъ къ тому выводу, что истина всеобщаго воскресенія предполагалась первымъ ветхозавѣтнымъ ученіемъ о Богѣ и человѣкѣ и заключалась, во-вторыхъ, въ обѣтованіи, данномъ падшимъ прародителямъ¹⁸⁾. Обѣтованіе о Сѣмени жены (Быт. III, 15), имѣющемъ стереть главу змія, какъ въ зернѣ заключалъ въ себѣ всю полноту новозавѣтнаго ученія объ искупленіи, необходимо предполагало и уничтоженіе всѣхъ слѣдствій грѣха въ тѣлесной природѣ человѣка. Отсюда,

¹⁷⁾ Истина воскресенія человѣческой плоти сильно занимала умы восточныхъ и западныхъ Оо. Церкви въ продолженіе первыхъ 8 вѣковъ христіанства, кончая временемъ св. Іоанна Дамаскина († 777 г.). Въ XII в. *Петръ Ломбардъ*, схоластикъ, епископъ парижскій († 1164), въ царствованіе Фридриха Рыжебородаго, заключилъ всю теологію въ четыре книги и изъяснилъ ее сентенціями древнихъ отцовъ и учителей Церкви. Въ послѣднемъ отдѣленіи тѣхъ книгъ (XLIII) и до конца онъ говоритъ не только о воскресеніи мертвыхъ, но и о послѣднемъ судѣ, о славныхъ наградахъ праведниковъ и наказаніяхъ грѣшниковъ.

¹⁸⁾ См. разсужденіе „о воскресеніи изъ мертвыхъ.“ священника Темноброва.



учение Спасителя и св. апостолов о воскресении мертвых не может быть рассматриваемо в отношении к Ветхому Завету, как учение совершенно новое, но только, как окончательное раскрытие данного прародителям и подтвержденного многократно в последнее время обетования о Спасителе мира ¹⁹⁾.

Вѣру в воскресение мертвых обнаруживает Авраамъ, рѣшившійся принести в жертву сына своего, отъ котораго ему было обѣщано многочисленное потомство, именно по слову апостола, в той надеждѣ, что *и изъ мертвыхъ воскресити его силенъ есть Богъ* (Быт. XXII, 12; Евр. XI, 17—19). Значение этого события в прообразовательномъ отношении заключается в томъ, что Исаакъ, какъ бы принесенный в жертву, возвращается къ жизни и тѣмъ указывает на будущее воскресение Мессии и съ Нимъ всего человечества. Св. Отцы вообще находили в повѣствованіяхъ Моисея и другія прообразы будущаго воскресенія, служившіе подготовленіемъ ума къ принятію прямого и яснаго новозавѣтнаго ученія объ истинѣ воскресенія. Изысканіемъ этихъ прообразовъ особенно занимался Св. Елифаній Кипрскій, приводя ихъ в обличение ереси самарянской ²⁰⁾. Но гораздо большее (по ясности) указаніе на будущее воскресение человѣческой плоти мы находимъ в словахъ ветхозавѣтнаго праведника и страдальца Іова. Многострадальный Іовъ, весь покрытый язвами и болѣе похожій на трупъ, чѣмъ на живаго человѣка, восклицаетъ в порывѣ глубокаго чувства вѣры, тѣмъ болѣе поразительной, чѣмъ живѣе мы представимъ себѣ его бѣдственное состояніе: *Вѣмъ бо, яко присносущеньгъ есть, иже имать искупити мя, и на земли воскресити кожу мою терпящую сія: отъ Господа бо ми сія совершишася* (Іов. XIX, 25. 26) ²¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторые экзегеты Св. Писанія, на основаніи филологическаго анализа еврейскаго текста (25 и 26 ст.), обнаруживаютъ неточность перевода и потому придаютъ ст. 25 и 26. совершенно иной смыслъ, именно: „я знаю, что защитникъ (Искупитель) мой живъ и, наконецъ, явится на землѣ, что и исполнилось“. При такой передачѣ словъ страдальца Іова исчезаетъ всякій поводъ утверждать, что онъ зналъ и училъ о воскресеніи ²²⁾. Но согла-

¹⁹⁾ См. разсужденіе „о воскресеніи изъ мертвыхъ“ священника Темномѣрова.

²⁰⁾ См. Твор. ч. I-я, гл. 3-я, ересь 9-я.

²¹⁾ См. 1-е послан. къ Коринто. Климента Римскаго, гл. 24—27.

²²⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ, между прочимъ, утверждалъ, что Іовъ не зналъ о воскресеніи (Бесѣд. 28, 4, на 1 Кор. ч. II-я творен. изд. 1863 г., стр. 115.

ситься съ послѣднимъ мнѣніемъ нельзя. Что въ вышеприведенныхъ словахъ Іовъ выражаетъ надежду на будущее воскресение свое, а не надежду на выздоровленіе, такъ это ясно вотъ изъ чего. Прежде всего, самая торжественность, съ какою Іовъ приступаетъ говорить (23 и 24 ст.) о своемъ предметѣ, показываетъ, что онъ говоритъ не о выздоровленіи своемъ, а о своемъ воскресеніи, которое дѣйствительно представляетъ событіе великое для людей; далѣе, надежду на выздоровленіе и долгую жизнь внушали Іову друзья его, но онъ постоянно отвергалъ ее (Іов. VII, 7. 13. 21; IX, 21; X, 20—22; XIII, 15—16; XVI, 22; XVII, 15—16; XIX, 10); какъ же онъ сталъ бы утверждать то, что самъ признавалъ нелѣпымъ? Наконецъ, слова *изъ праха* (Іов. XX, 11, 21. 26; VII, 17—16, 21), послѣ того, какъ кожи моея нѣтъ, изъ плоти моея увижу Бога,—ясно показываютъ, что Іовъ видитъ себя уже мертвымъ и потомъ возвращеннымъ къ жизни ²³⁾.

Вѣру в воскресение человѣческой плоти выразилъ пр. Давидъ: *яко не оставиши душу мою во адъ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Пс. XV, 10; Сн. Дѣян. II, 27. Пс. 103, 29—30). Что касается воскресенія умершихъ пророками Іліею и Елисеемъ (3 Цар. XVII, 19; 4 Цар. IV, 29; XIII, 21), то необходимо замѣтить, что это были случаи возвращенія умершихъ къ здѣшней земной жизни, наглядно выражавшіе ту глубокую истину, что сила смерти не неограниченна, что смерть должна возвратитъ похищенное ею тѣло, когда этого потребуетъ Богъ, и утверждавшіе в ветхозавѣтномъ человечествѣ вѣру, что „Господь мертвитъ, и живитъ“ (1 Цар. II, 6).

Въ пророческихъ книгахъ также находимъ ясныя пророчества о всеобщемъ воскресеніи. Пророкъ Исаія, проникнутый мыслию о всемогуществѣ Божіемъ, обращается къ Господу, какъ къ обладающему и жизнью и смертью, и пророчествуетъ, говоря: *„воскреснутъ мертвіи, и встанутъ, иже во гробѣхъ, и возрадуются, иже на земли; роса бо, яже отъ тебе, исцѣленіе имъ есть, земля же нечестивыхъ падетъ“* (Ис. XXVI, 19). Пророкъ Іезекиль созерцалъ самое воскресеніе в видѣ поля, усыяннаго сухими костями, которыя, по мановенію Духа Божія, соединились одна съ другою, облеклись плотію, оживились и одушевились духомъ (XXXVII, 1—10 ст.). У пророка Даніила читаемъ: *„и мнози отъ*

²³⁾ Правосл. догмат. богосл. арх. Фларета, стр. 484 изд. 1865 г. См. соч. Умбрейта In Theol. Stud. und. Krit. 1840 г. I. s. 236.



спящихъ въ земный персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оии во укоризну и въ стыднѣе вѣчное (XII, 2); затѣмъ у пр. Осіи: *исцѣлитъ ны по двою, въ день третій воскреснемъ, и живи будемъ предъ нимъ, и увѣмы: пожнемъ, еже увѣдѣти Господа, яко утро готово обрящемъ его, и придетъ намъ яко дождь ранній и поздній земли* (VI, 3).

Изъ позднѣйшихъ книгъ Ветхаго Завета ясное свидѣтельство о существованіи у евреевъ послѣ плѣна вавилонскаго вѣры въ воскресеніе мертвыхъ даетъ намъ II-я кн. Маккавейская въ разказѣ о мученіи Антіохомъ 7 братьевъ Маккавеевъ. Мать Маккавеевъ и сыны ея поощряютъ другъ друга, по словамъ II кн. Маккавейской, къ подвигу мученичества чаяніемъ воскресенія: *егда уже бысть къ смерти, тако рече* (4-й сынъ): *лучше убиваемымъ отъ чловѣкъ упованія чаяти отъ Бога, наки имущимъ воскрешенымъ быти отъ него: тебѣ же воскресеніе въ животъ не будетъ* (VII, 14). Не малымъ подтвержденіемъ существованія у іудеевъ вѣры въ воскресеніе чловѣческаго тѣла служатъ слова сестры Лазаря — Марѣы, которая, когда Господь Іисусъ сказалъ ей: *„воскреснетъ братъ твой“*, на основаніи общеизвѣстнаго вѣрованія, отвѣтила Ему: *„вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній день“* (Іоан. XI, 23—24).

Итакъ, на основаніи доселѣ сказаннаго, можно утверждать, что Ветхій Заветъ содержитъ въ себѣ довольно ясныя указанія на существованіе у евреевъ вѣры въ воскресеніе мертвыхъ. Большинство евреевъ вѣровало въ воскресеніе мертвыхъ (Дѣян. XXIII, 6—8; 24, 15) и только одна секта саддукеевъ не раздѣляла этой вѣры. Ошибку саддукеевъ, принятую также самарянами, прочіе евреи никогда не раздѣляли; такъ что твердо можно сказать, что всѣ евреи, существующіе и теперь, вѣруютъ въ воскресеніе мертвыхъ. Іудеи, исповѣдуя каждымъ утромъ (по формулѣ ежедневныхъ молитвъ) Бога, имѣющимъ отнять душу и имѣющимъ возвратитъ, прибавляютъ: *„Да благословевъ Господь, Который возвратитъ мертвымъ тѣламъ души“*.

Со всею ясностію, подробностію и положительностію говоритъ намъ объ истинѣ всеобщаго воскресенія Новый Заветъ. Свидѣтельства Новаго Завета²⁴⁾, на которыхъ утверждается православный догматъ о воскресеніи чловѣческой плоти, можно раздѣлить на

²⁴⁾ Тертул. De resur. carn. cap. 21—28; cap. 33—39; cap. 41—48.

три класса: въ однихъ—выражается дѣйствительность воскресенія нашего земнаго тѣла, другія показываютъ возможность его (воскресенія), третьи—необходимость его.

Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертви услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ... яко грядетъ часъ, въ онъ же вси сущи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотвориши благая, въ воскрешеніе живота: а сотвориши злая, въ воскрешеніе суда (Іоан. V, 25, 28, 29),—сказалъ нѣкогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ предъ всѣми іудеями и тѣмъ съ всепобѣждающею убѣдительностію и поразительною ясностію засвидѣтельствовалъ дѣйствительность нашего воскресенія. Въ этихъ весьма знаменательныхъ словахъ Спасителя идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія, о возстановленіи разрушеннаго смертію тѣла. Слова „сущи во гробѣхъ“ и „изыдутъ“ прямо указываютъ на то, что Господь имѣлъ въ виду тѣлесную природу чловѣка, въ отношеніи къ которой только и возможно обозначеніе мертвыхъ, какъ находящихся (сущихъ) въ гробахъ, такъ какъ о духовной субстанціи чловѣка нельзя сказать, что она находится во гробѣ, или могилѣ. „Никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ,—замѣчаетъ блж. Θεодоритъ,—что въ гробахъ живутъ души; напротивъ того, въ нихъ лежатъ тѣла“²⁵⁾. Дѣйствительность факта воскресенія мертвыхъ засвидѣтельствовалъ и подтвердилъ вторично Самъ Спаситель, когда въ отвѣтъ Марѣ замѣтилъ: *азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруй въ мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 25), а также, когда сказалъ: *ядый мою плоть, и пій мой кровь, иматъ животъ вѣчный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI, 54). Велѣдъ за Христомъ и св. апостолы проповѣдывали истину воскресенія чловѣческой плоти. Такъ, св. ап. Петръ и Іоаннъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на апостольскую проповѣдь, подверглись отъ іудеевъ заключенію въ темницу, за еже, какъ пишетъ св. Лука, *учити имъ люди, и возвышати о Іисусѣ воскресеніе мертвыхъ* (Дѣян. IV, 2). Св. ап. Павелъ, считая истину воскресенія мертвыхъ за коренную истину христіанства (Евр. VI 2), доказываетъ несомнѣнность ея уже событіемъ воскресенія Христова (1 Кор. XV, 12). Въ воскресеніи Христовомъ св. апостоль видитъ такое событіе, которое не только является ручательствомъ Его божест-

²⁵⁾ Блж. Θεодоритъ. Сокращен. изложеніе божественныхъ догматовъ. Твор. ч. VI, стр. 67.



веннаго происхожденія, но и на которомъ основывается наша вѣра, и въ которомъ находить себѣ ручательство высшій предметъ нашей надежды—воскресеніе. Внутренняя и, такъ сказать, органическая связь между воскресеніемъ Христовымъ и воскресеніемъ мертвыхъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что признавая первое, необходимо признать и послѣднее, равно какъ отрицая послѣднее, необходимо было бы отвергнуть и первое (1 Кор. XV, 12—17). Таковы свидѣтельства Новаго Завета, утверждающія дѣйствительность факта воскресенія мертвыхъ.

Съ неменьшею ясностью возвѣщена въ Новомъ Заветѣ возможность воскресенія человѣческой плоти. Господь нашъ Иисусъ Христосъ засвидѣтельствовалъ ее словомъ и дѣломъ. Словомъ Онъ засвидѣтельствовалъ, когда, какъ повѣствуетъ св. ев. Матѳей, отвѣтилъ саддукеямъ: *прельщается, не въдуше писанія, ни силы Божія* (XXII, 29). „Если бы не было воскресенія плоти, но сохранилась бы одна душа, то Христосъ, замѣчаетъ св. Епифаній Кипрскій, согласился бы“ (Епифанія Кипрск. Твор. ч. III-я, стр. 151—152; ер. 64, гл. 42). Съ большею силою провозгласилъ Христосъ ту же истину въ моментъ изъясненія плодовъ таинства Евхаристіи (Іоан. VI, 54). Дѣломъ Спаситель подтвердилъ возможность воскресенія человѣческой плоти, когда дѣйствительно Онъ воскрешалъ мертвыхъ (во дни служенія Своего на землѣ)²⁶⁾, но болѣе всего, когда воскресъ Самъ (1 Кор. XV, 12—14). По свидѣтельству Божественнаго Откровенія, Христосъ въ Своемъ вочеловѣченіи уподобился намъ во всемъ, кромѣ грѣха; Онъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и, какъ таковой, подвергся смерти. Теперь, если человѣкъ Христосъ воскресъ,—а это фактъ,—то, очевидно, воскресеніе возможно для человѣка и никто, разумѣется, не можетъ утверждать противоположное.

Что касается св. апостоловъ, то и они всячески старались раскрыть возможность будущаго воскресенія мертвыхъ. Такъ, св. ап. Павелъ вездѣ разсматриваетъ воскресеніе не какъ процессъ естественнаго развитія, а какъ дѣйствіе всемогущества Божія. Нѣкоторые изъ современниковъ апостольскихъ, воспитанныхъ въ ученіи тщетной философіи Еллинской²⁷⁾ и потому вѣрившихъ болѣе умствованіямъ лжеименнаго знанія и

²⁶⁾ Лук. VII, 14. VIII, 55. Іоан. XI, 43—44.

²⁷⁾ Кол. II, 8. 1 Кор. XV, 29—36.

чувствамъ, нежели обѣтованіямъ христіанской вѣры, говорили и разсуждали такъ: „Како востануть мертвіи; коимъ же тѣломъ придуть?“²⁸⁾ Поэтому св. ап. Павелъ, чтобы удобнѣе истребить въ нихъ эти мысли, не говоритъ имъ прямо о всемогуществѣ Божіемъ, но, снисходя къ образу ихъ мышленія, въ доказательство истины воскресенія тѣлъ, беретъ примѣръ изъ опыта, болѣе всего способный къ убѣжденію въ томъ разума и чувствъ. *Безуміе*,—говоритъ онъ сомнѣвающимся въ возможности воскресенія истлѣвшихъ тѣлъ,—*ты, еже стѣши, не оживетъ, аще не умретъ*²⁹⁾,—ты непрестанно видишь опытъ воскресенія согниваго сѣмени, и твой разумъ не можетъ не согласиться на то, что зерно пшенично, аще, падъ на земли, не умретъ, то по необходимости пребываетъ едино—въ одномъ и томъ же состояніи и бесплодно, аще же умретъ многъ плодъ сотворить³⁰⁾. Вотъ образъ и способъ воскресенія человѣческихъ тѣлъ. И сѣмя нашего тѣла, если не будетъ посѣяно въ землю и не сгніетъ въ оной, не принесетъ своихъ плодовъ; но если сгніетъ и истлѣетъ, то не только оживетъ, но и принесетъ многъ плодъ—будетъ имѣть лучшія, благороднѣйшія свойства. Считаая этотъ опытъ достаточнымъ къ увѣренію сомнѣвающагося въ возможности и способѣ воскресенія истлѣвшихъ тѣлъ человѣческихъ, апостоль, чтобы болѣе утвердить его въ вѣрѣ въ воскресеніе мертвыхъ, обращается потомъ къ всемогуществу Божію, и въ послѣднемъ показываетъ причину оживленія и оплодотворенія сѣмени, а подъ этимъ образомъ и-человѣческихъ тѣлъ: *ты еже стѣши, не тѣло будущее стѣши* (не такъ одѣтое, не имѣющее ни стебля, ни классовъ), *но голо зерно; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже хошетъ: тако и въ воскресеніи мертвыхъ*. Посѣваемое—погребаемое въ землю не есть будущее человѣческое тѣло, но заключаетъ въ себѣ только голое зерно его: Богъ же дастъ и этому зерну тѣло, якоже восхошетъ. Иисусъ Христосъ преобразить тѣло смиренія нашего, тѣло тлѣнное, безобразное, немощное и грубое такъ, что оно будетъ сообразно тѣлу славы Его. И такъ, сравненіе съ зерномъ, употребленное апостоломъ не говоритъ, что воскресеніе тѣла такъ же естественно, какъ выростокъ колоса изъ зерна. Св. апостоль имѣлъ въ общемъ объяснить здѣсь, что вся непостижимость воскресенія не можетъ

²⁸⁾ 1 Кор. XV, 35.

²⁹⁾ 1 Кор. XV, 36.

³⁰⁾ Іоан. XII, 24. Тертул. De resur. carnis cap. 39.



говорить противъ его возможности, такъ какъ подобная же непостижимость явленія совершается постоянно предъ нашими глазами и—въ выростаніи колоса изъ зерна усматриваетъ дѣйствіе всемогущества Божія. Въ частности, св. ап. Павелъ, чтобы объяснить возможность воскресенія истлѣвшихъ тѣлъ неоднократно указываетъ на всемогущество Бога Отца: *Богъ же и Господа воздвиже, и насъ воздвигнетъ силою своею* (1 Кор. VI, 14); на отношеніе къ намъ Сына Божія: *Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатокъ умершимъ бысть. Понеже бо человекомъ смерть бысть, и человекомъ воскресеніе мертвыхъ. Яко же бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ*³¹⁾. Начатокъ значитъ больше, чѣмъ первый. Слово начатокъ указываетъ, что Его воскресеніе представляетъ такое начало воскресенія, которое необходимо будетъ имѣть продолженіе, такъ какъ—что принадлежитъ началу (начатку), то принадлежитъ и цѣлому, какъ говоритъ св. апостоль³²⁾. „Какъ начатокъ жатвы освящаетъ всю жатву, такъ и Христосъ—начатокъ умершихъ, воскресши изъ мертвыхъ, предуказалъ намъ имѣющее послѣдовать общее воскресеніе. Если Христосъ былъ начаткомъ воскресенія, то ясно, что съ Нимъ воскреснутъ и остальные люди. Ибо начаткомъ называется то, когда одинъ кто-либо изъ многихъ дѣлаетъ то или другое, что и остальные будутъ дѣлать”³³⁾. Итакъ, воскресши Христомъ впервые введенъ новый принципъ въ человечество,—принципъ воскресенія, который долженъ дѣйствовать далѣе и имѣть сильное и полное значеніе въ объемѣ всего человечества. Не ограничиваясь этимъ, св. ап. Павелъ далѣе, въ посланіяхъ къ Ефесеямъ и 1 Кор. XV гл. говоритъ, что Христосъ по отношенію къ роду человечеству не только первый между братіями, а вмѣстѣ и новый родоначальникъ человечества, „Который возглавляетъ Собою все небесное и земное“ (Еф. I, 10). Какъ Адамъ, по естественному порядку, былъ родоначальникомъ и началомъ, опредѣляющимъ дальнѣйшее естественное развитіе его потомства, такъ точно и Христосъ, въ порядкѣ благодатномъ, сдѣлался Главою человечества, вторымъ Адамомъ, плоды праведности Котораго должны простираться на весь міръ. Второй Адамъ побѣдилъ смерть въ своемъ собственномъ существѣ, такъ какъ явился чистымъ отъ всяка-

³¹⁾ 1 Кор. XV, 20--22.

³²⁾ Рим. XI, 16.

³³⁾ Migne, t. CXVIII col. 869. Толкованіе на данное мѣсто посланія.

го грѣха, и въ его побѣдѣ надъ смертію, какъ и въ преступленіи Адама, должно имѣть участіе все человечество. „Если тѣло наше есть членъ Христовъ,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—а Христосъ воскресъ, то и тѣло, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за Главою”³⁴⁾. „Какъ скоро Онъ воскресъ, воскреснемъ и все мы,—говоритъ блаж. Теодоритъ,—но еще не видимъ дѣйствительнаго событія, тайна же воскресенія нашего въ Немъ сокрыта. Посему, когда вторично Онъ явится, тогда улучимъ воскресеніе, насладимся безсмертною жизнью“ (Твор. ч. VII, стр. 631. Толк. на слова ап. Кол. III, 3—4).

Возможность воскресенія истлѣвшихъ тѣлъ, опирающаяся въ своемъ основаніи, какъ видѣли сейчасъ, на многія мѣста Новаго Завѣта, является необходимой когда мы обратимъ вниманіе на отношеніе Христа къ роду человеческому. Его назначеніе, по слову Божію, привести человечество къ Богу (Іоан. XIV, 6; X, 9). Теперь, если не упразднится послѣдній нашъ врагъ—смерть, гибельнѣйшее слѣдствіе грѣха (Рим. VI, 23), иначе говоря, если не оживутъ нѣкогда все о Христѣ, то назначеніе Спасителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль всего христіанства, не будетъ достигнута вполне: человекъ спасется не весь, враги его будутъ не все побѣждены. Съ другой стороны,—искупленный духъ (Мѡ. 18, 11; Тит. 2, 14; Евр. 2, 14—15) нуждается въ соотвѣтствующей ему нетлѣнной оболочкѣ и потому искупленіе не можетъ быть названо полнымъ, пока тѣло человека остается смертнымъ. Итакъ, воскресеніе истлѣвшихъ тѣлъ, по свидѣтельству Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ, дѣйствительно будетъ, возможно, и необходимо.

IV.

Теперь, естественно, спросить: будетъ ли воскресеніе въ объемѣ всего человечества, или въ объемѣ однихъ праведниковъ? По словамъ Іосифа Флавія, фарисеи думали, что только душамъ праведныхъ будутъ возвращены тѣла ихъ, души же нечестивыхъ будутъ удержаны въ аду для вѣчныхъ мукъ. Но Божественное Откровеніе говоритъ намъ по этому вопросу совершенно иное, именно: одновременно воскреснутъ все люди, какъ праведные, такъ и грѣшныя, какъ вѣрующіе, такъ и не вѣрующіе во Христа. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотвориши блага,*

³⁴⁾ Твор. ч. 1-я, стр. 299. Бес. 17-я на 1-е къ Кор. посланіе VI, 14—15.



въ воскресеніе живота, а сотвориши злая, въ воскресеніе суда (Іоан. V, 28—29),—сказалъ Спаситель. Всеобщность воскресенія засвидѣтельствовалъ и ап. Павелъ, во-первыхъ, когда сказалъ: *упованіе имый на Бога, яко воскресеніе хочеть быти мертвымъ, праведникомъ же и грѣшникомъ, его же и сами сіи чаютъ* (Дѣян. XXIV, 15), во-вторыхъ, когда провозгласилъ: *яко же бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ*, (1 Кор. XV, 22), т. е. всеобщность воскресенія св. апостолъ ставитъ въ параллель съ всеобщностью смерти—два закона, которымъ подвластно все человѣчество. Смерть распространилась отъ Адама на все его потомство безъ всякихъ исключеній, въ Адамѣ все подверглось тлѣнію; стало быть, заключаетъ апостолъ, во Христѣ—начаткѣ человѣчества, всѣ оживутъ.

Что же касается тѣхъ людей, которыхъ застигнетъ время всеобщаго воскресенія, то они, какъ не умрутъ, такъ и не воскреснутъ, а только, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, *измѣнятся: вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. XV, 51), т. е. тѣла тѣхъ людей мгновенно получатъ новый видъ и сдѣлаются подобными тѣламъ людей воскресшихъ (см. Догматич. Богословіе арх. Антонія).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о всеобщности воскресенія стоитъ вопросъ о томъ: а) каковы будутъ тѣла будущаго воскресенія по существу своему и основнымъ элементамъ? будутъ ли они тождественны съ настоящими? и б) каковы они будутъ въ своихъ свойствахъ и состояніи?

Тѣло воскресенія будетъ тоже самое тѣло, которымъ владѣтъ душа человѣка во время земной его жизни. Это ясно изъ самаго понятія *ἀνάστασις*, которое означаетъ только то, что пало ³⁵⁾,—частица *ἀνά* указываетъ на идею повторенія одного и того же предмета. Подтверженіемъ этой мысли служатъ слова св. Григорія Нисскаго и св. Златоуста. Первый говоритъ: „ибо если возвратится не въ точности собственное (тѣло), но вмѣсто собственного, принадлежавшаго, заимствовано будетъ нѣчто однородное, то одно замѣняется другимъ, и такое дѣйствіе будетъ уже не воскресеніе, но созданіе новаго человѣка. Если же надобно, чтобы тотъ же самый снова въ себя возвратился, то надлежитъ ему быть совершенно тѣмъ же съ самимъ собою во всѣхъ частяхъ стихій, воспріявъ первоначальное естество“.

³⁵⁾ Св. Іоан. Дамаскина кн. о вѣрѣ гл. 28.

(о душѣ и воскресен., твор. ч. IV, стр. 255). Второй говоритъ: „если же иное тѣло умираетъ и иное тѣло воскреснетъ, то что это за воскресеніе? И гдѣ та чудная и славная побѣда надъ смертію“ (Твор. ч. II-я (изд. 1863 года), стр. 380. Бес. 41, 2 на 1 Кор.).

Дальше, тождество тѣлъ воскресенія съ настоящими усматривается изъ примѣра Господа нашего Іисуса Христа, Который воскресъ изъ гроба въ Своемъ собственномъ тѣлѣ (Іоан. 20, 25—27), а также изъ словъ Христа: „яко грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія“ (Іоан. V, 28) и слова ап. Павла: „подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе“. Но, при тождествѣ по своему существу и основнымъ элементамъ съ настоящими тѣлами, тѣла будущаго воскресенія все-таки будутъ весьма отличны отъ послѣднихъ въ свойствахъ своихъ и состояніи—воспримутъ отъ благодати Божіей высшую, доступную ихъ природѣ, степень совершенства. Цѣль воскресенія не только возстановленіе тѣлесной природы человѣка, но и приведеніе его къ тому состоянію по тѣлу, какое назначено ему, согласно творческому предопредѣленію о немъ. Если бы въ воскресеніи было возвращено то тѣло, которое человѣкъ имѣлъ во время земной жизни, то, по нашему мнѣнію, явилась бы значительная недостаточность. Равнымъ образомъ недостаточно изгладить всѣ слѣдствія грѣха и возстановить то состояніе, въ какомъ находилось тѣло Адама до грѣхоспаденія, потому что послѣднее хотя и не имѣло въ себѣ грѣховной порчи, но не обладало и тѣмъ совершенствомъ, къ которому предназначалось. Воля Божія о тѣлѣ человѣка состоитъ въ томъ, чтобы оно преобразилось во образъ Втораго Адама (Филип. 3, 39), а это и послѣдуетъ въ будущемъ воскресеніи. Въ имѣющемъ нѣкогда воскреснуть тѣлѣ человѣка будутъ изглажены всѣ слѣдствія грѣха и оно получитъ всѣ доступныя ему совершенства ³⁶⁾. Въ дѣйствительности этого насъ убѣждаетъ св. ап. Павелъ слѣдующими своими глубоконаменательными словами: *смется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣнныи: смется не въ честь, востаетъ въ славу: смется въ немощи, востаетъ въ силу: смется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное, есть тѣло душевное и есть тѣло духовное* (1 Кор. XV, 42—44). Основнымъ свойствомъ воскресшихъ тѣлъ будетъ духовность, хотя

³⁶⁾ См. разсужденіе о воскресеніи изъ мертвыхъ, Свящ. Темномѣровъ.

315
690 17822

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua



у апостола оно указывается послѣднимъ, какъ требующее болѣе подробнаго раскрытія (ст. 44). Настоящее человѣческое тѣло душевно потому, что оно такъ же, какъ чувственная природа животныхъ, подвержено вліянію стихій, и вообще всѣмъ потребностямъ животной чувственной природы, имѣеть, напр., нужду для сохраненія бытія своего въ воздухѣ, пищѣ, питіи, снѣ и проч., особенно же потому, что движется и управляется не духомъ, но грубою, растлѣнною душею, которая, рождая въ немъ низкія вождельнія и страсти и дѣлая съ нимъ дѣла плотская (Гал. 5, 19), уподобляетъ его грубой плоти скотовъ несмысленныхъ (Пс. 48, ст. 13), сообщаетъ ему жизнь только чувственную, плотскую. По воскресеніи же это самое тѣло будетъ духовнымъ. Какъ же понимать духовность его? Нельзя думать, что оно совершенно превратится въ духъ; потому что тѣло Иисуса Христа, Первенца изъ мертвыхъ, по воскресеніи не превратилось въ духъ. Это видно изъ словъ, сказанныхъ воскресшимъ Христомъ убоявшимся Своимъ ученикамъ и мящимъ духъ видѣти: *видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко самъ азъ есмь: осяжите мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, якоже мене видите и муща* (Лук. XXIV, 36—39; Иоан. XX, 27). Стало бытъ, если воскресшее тѣло Иисуса Христа было осязаемо, имѣло плоть, кости, ребра, руки и ноги, то, безъ сомнѣнія, что и наше тѣло, по воскресеніи имѣющее преобразиться по образу тѣла славы Его, будетъ истинное, а не призракъ и не духъ, сохранить всѣ существенныя части, изъ которыхъ необходимо должно состоять человѣческое тѣло. Но оно будетъ все-таки духовнымъ, т. е. оно будетъ водиться и жить духомъ (Рим. 8, 2; Гал. 5, 25). Тѣло будетъ приспособлено къ воздѣйствію на него духа и явится покорнымъ орудіемъ его; оно сдѣлается совершенно безстрастнымъ и будетъ въ состояніи невозможности противоборствовать духу. Съ другой стороны, тѣло по воскресеніи будетъ духовно въ томъ смыслѣ, что оно уподобится духу по тонкости своего устройства. Оно потеряетъ грубость, дебелисть и сдѣлается тонкимъ и пронизательнымъ, а влѣдствіе этого и болѣе свободнымъ отъ условій пространства (Твор. Св. Григорія Нисскаго, ч. IV, стр. 281). Такое тончайшее устройство тѣла въ будущей жизни необходимо для того, чтобы быть ему способнымъ къ высшей дѣятельности духа, съ которымъ оно будетъ въ непрерывно полной гармоніи. Тѣла воскресенія будутъ имѣть органы тончайшіе, преобра-

зованные, приспособленные къ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Объ этомъ говорятъ слова Спасителя: *въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Мф. 22, 30). Воскресшіе, надо полагать, не обратятся въ ангеловъ, которые не имѣютъ плоти, не раздѣляются на мужчинъ и женщинъ, а только жизнь ихъ въ отношеніи брака и проч. станетъ ангелоподобною, потому что въ царствѣ Божіемъ всякое плотское соединеніе неумѣстно, когда должно будетъ всѣмъ существомъ своимъ соединяться во единъ духъ съ Господомъ (1 Кор. VI, 17; Апокал. VII, 15). Дальше, тѣло воскресенія будетъ духовно въ томъ отношеніи, что оно, подобно духу, по тонкости своего устройства и легкости въ состояніи будетъ держаться на тонкомъ и легкомъ облакѣ и, какъ говоритъ св. Златоустъ, носиться по воздуху. Наконецъ, человѣческое тѣло по воскресеніи будетъ духовно особенно потому, что оно, подобно духу, будетъ невидимо въ отношеніи къ грубымъ плотскимъ очамъ, какими мы владѣемъ теперь. Причина этого обстоятельства заключается такъ же въ тонкости его устройства. Вѣдь и воскресшій Иисусъ Христосъ, хотя являлся между людьми въ теченіе 40 дней и обращался съ ними, однако очи ихъ держались, „да Его не познаета“, такъ что Онъ невидимъ имъ былъ даже тогда, когда находился предъ самыми глазами. Если же Спаситель нѣкоторе время видимъ былъ ученикамъ Своимъ (когда являлся имъ для утвержденія послѣднихъ въ вѣрѣ), то это, конечно, не потому, чтобы тѣло Его по свойству своему могло быть видимо, но, разумѣется, потому, что Онъ такъ отверзалъ очи ихъ. Какъ скоро достигалась та цѣль, для которой онъ являлся имъ, — глаза учениковъ Его опять становились неспособными видѣть Божественнаго Учителя, и онъ снова невидимъ былъ.

Вторымъ свойствомъ тѣла воскресенія будетъ неплѣніе, т. е. способность тѣла не обращаться въ прахъ, разлагаясь на свои основные элементы (1 Кор. XV, 54). Въ будущей жизни человѣчество достигнетъ абсолютнаго безсмертія, придетъ въ состояніе невозможности умереть: *сподобилися отъкъ онъ уллучити и воскресеніе, еже отъ мертвыхъ, ни женятся, ни посягаютъ: ни умрети бо ктому могутъ* (XX, 35—36), — сказалъ Иисусъ Христосъ — и тѣмъ утвердилъ вышесказанную глубокую истину (2 Кор. V, 1). Выраженіе „ни умрети бо ктому могутъ“, очевидно, относится къ тѣлесной природѣ человѣка, такъ какъ въ отношеніи къ безтѣлес-



ной и безсмертной души эта прибавка была бы совершенно излишнею, и, стало быть, указываетъ, что сподобившіеся достигнуть воскресенія будутъ имѣть тѣло, способное вѣчно стоять въ полномъ единеніи съ оживляющимъ его духомъ, (по природѣ) способное противостоять разрушительной силѣ смерти, и чуждое всякаго рода болѣзней и постепенности умиранія, происходящей съ нами въ старости (Апок. XXI, 4). Отсюда ясно, что свобода отъ болѣзней и старости по воскресеніи будѣтъ зависѣть не отъ божественной благодати, подкрѣплявшей жизненныя силы духа прародителей (до грѣхопаденія) чрезъ вкушеніе плодовъ древа жизни, а отъ самой природы воскресшаго тѣла.

Третьимъ свойствомъ тѣла воскресенія будетъ сила, выражающаяся въ полнотѣ его жизненныхъ силъ и неустанности ихъ энергіи (1 Кор. XV, 43).

Завершеніемъ всѣхъ указанныхъ свойствъ воскресшихъ тѣлъ, по слову апостола, будетъ ихъ слава: *стѣтся не въ честь, востаетъ въ славу* (1 Кор. XV, 43; Мѡ. XIII, 43. Филип. III, 21). Слава ихъ означаетъ не свѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но вообще совершенство внѣшняго расположенія и вида; сущность ея въ отраженіи степени нравственнаго совершенства духа на тѣлѣ, способномъ, въ силу своей духовности, къ этому. Св. апостоль, когда приписываетъ славу человѣческому тѣламъ, тѣламъ скотовъ и рыбъ (1 Кор. XV, 39—40), то, несомнѣнно, приписываетъ имъ не свѣтъ, потому что эти тѣла не свѣтятся, но совершенство внѣшняго вида или красоту. Слава у воскресшихъ тѣлъ будетъ не одинакова, потому что „каждо же свою мзду приметъ по своему труду“ (1 Кор. III, 8), т. е. различіе ея будетъ обуславливаться исключительно степенью нравственнаго совершенства каждаго человѣка. Особенно ясно различіе въ славѣ человѣческихъ тѣлъ по воскресеніи представляетъ ап. Павелъ подъ образомъ различной славы, усматриваемой теперь въ разныхъ тѣлахъ небесныхъ и земныхъ. Есть,—говоритъ онъ,—тѣлеса небесныя, и тѣлеса земная: но „ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ“, и между тѣлами небесными—*ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу*. Такъ и между тѣлами земными—не всяка плоть, таже плоть: но *ина убо плоть человекомъ, ина же плоть скотомъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ. Такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV, 39—42).—Воскресеніе человѣческихъ тѣлъ не обуславливается нравствен-

нымъ состояніемъ каждаго отдѣльнаго человѣка, а является, такъ сказать, плодомъ праведности Христовой и потому, какъ слѣдствіе одной общей для всѣхъ людей причины, должно быть, безъ сомнѣнія, одинаковымъ для всѣхъ. Тѣла грѣшниковъ такъ же, какъ и тѣла праведниковъ, непременно воскреснутъ и будутъ одинаковы въ отношеніи духовности, нетлѣнія, силы или крѣпости, иначе сказать—въ отношеніи основныхъ свойствъ тѣлъ воскресенія. Будучи одинаковыми съ тѣлами праведниковъ въ отношеніи духовности, нетлѣнія и силы, тѣла грѣшниковъ по воскресеніи все-таки будутъ совершенно отличными отъ нихъ со стороны свойства славы. Справедливость нашего положенія явствуетъ изъ словъ св. Златоуста: „возстанутъ и въ той же силѣ, и въ томъ же нетлѣніи, и въ той же славѣ нетлѣнія; но не всѣ въ той же чести (τιμῆς) и несокрушимости (ἀσφαλείας)“³⁷⁾ и словъ св. Ефрема Сирина: „всѣ пріемлютъ тѣло сообразное собственнымъ дѣламъ своимъ. Тѣло праведныхъ сіяетъ въ семь кратъ паче свѣта солнечнаго; а тѣла грѣшниковъ оказываются темными и исполненными зловонія; и тѣло каждаго показываетъ дѣла его: потому что каждый изъ насъ дѣла свои носить въ собственномъ тѣлѣ своемъ“³⁸⁾.—Относительно возраста, въ какомъ воскреснутъ умершіи тѣла, Божественное Откровеніе ничего не говоритъ намъ. Несмотря на это, нѣкоторые учителя Церкви все-таки пытались разрѣшить и этотъ вопросъ. Блажен. Августинъ, опираясь на слова апостола, что нѣкогда достигнемъ, вси... *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13), вмѣстѣ съ бл. Иеронимомъ, полагалъ, что всѣ тѣла воскреснутъ въ возрастѣ полнаго совершеннолѣтія или 30 лѣтъ. Этотъ взглядъ бл. Августина несостоятеленъ, съ одной стороны потому, что св. апостоль ведетъ рѣчь не о тѣлесномъ ростѣ, а о духовномъ возрастаніи человѣка христіанина, о воплощеніи имъ въ себѣ нравственнаго идеала, осуществленнаго Христомъ, съ другой,—потому, что ничто не указываетъ на отношеніе словъ св. Апостола (13 ст. IV гл. посл. къ Ефес.) къ ученію о воскресеніи.

V.

Указавъ значеніе догмата о воскресеніи человѣче-

³⁷⁾ См. Бесѣд. XLI. п. 3 на 1 Кор.

³⁸⁾ См. слово о судѣ и воскресеніи.—Подобно св. Златоусту и св. Ефрему Сирину рассуждастъ объ этомъ и св. Кириллъ Іерусалимскій см. Оглас. поуч. XVIII, п. 19, стр. 338, изд. 1855 г.



ской плоти, краткую историю его, учение о немъ Ветхаго и Новаго Завета, мы перейдемъ теперь къ доказательствамъ его изъ Св. Преданія. Какъ ни ясны и многочисленны мѣста Св. Писанія, особенно Новаго Завета, содержащія въ себѣ учение о воскресеніи чело-вѣческой плоти, но намъ необходимо обратиться и къ Св. Преданію (хотя въ предѣлахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства), сохраняющемуся въ Церкви съ самаго ея начала. Необходимо обратиться къ нему потому, что всѣ вышеозначенныя мѣста Св. Писанія подвергались и подвергаются различнымъ перетолкованіямъ и спорамъ, которые не иначе могутъ быть окончательно рѣшены, по крайней мѣрѣ, для вѣрующаго, какъ только голосомъ апостольскаго Преданія и древней Церкви³⁹⁾; необходимо и для того, чтобы защитить самую Церковь отъ несправедливаго упрека вольнодумцевъ, будто она начала преподавать такое учение только съ IV вѣка или со времени перваго вселенскаго собора, а прежде это учение или вовсе было въ ней неизвѣстно, или преподавалось совсѣмъ иначе (общая мысль рационалистовъ). Намъ достаточно провести нить Св. Преданія только до IV в., или до перваго вселенскаго собора, и показать учила-ли и какъ учила о воскресеніи чело-вѣческой плоти древняя христіанская Церковь въ три первые вѣка. Для ясности дѣла, мы изложимъ, во-первыхъ, какъ учила тогда о воскресеніи чело-вѣческой плоти вся Церковь, послѣдуя апостольскому Преданію, во-вторыхъ, какъ учили или вѣровали пастыри ея и пасомые.

Принявши отъ Христа и апостоловъ ясное и положительное учение о воскресеніи чело-вѣческой плоти, вся Христова Церковь учила о немъ и до Никейскаго собора (325 г.) такъ же, какъ учила и учитъ и послѣ Никейскаго собора до настоящаго времени. Непрерываемымъ доказательствомъ этого служатъ: общественные образцы вѣры или символы, употреблявшіеся тогда въ разныхъ церквахъ по преданію отъ самихъ св. апостоловъ. Такъ, а) символъ древнѣйшей іерусалимской церкви: „вѣрую... и въ воскресеніе плоти и въ жизнь вѣчную“⁴⁰⁾; б) апостольскій символъ римской церкви: „вѣрую... и во Св. Духа, святую Церковь, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти, жизнь вѣчную“⁴¹⁾; в) апо-

³⁹⁾ См. введение, въ Православ. богословіе А. М. §§ 127, 132, 134—137.

⁴⁰⁾ См. Древнія формы символа вѣры православной Церкви или, такъ называемые, апостольскіе символы. Историч. изслѣдов. профессора Спб. Академіи Чельцова. 1869 г. стр. 31.

⁴¹⁾ *ibid.* стр. 97.

стольская вѣра церкви кипрской и церковей малоазійскихъ: „ожидаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь“⁴²⁾; г) апостольскіе догматы александрійской церкви: „сверхъ того признаемъ воскресеніе изъ мертвыхъ, котораго начаткомъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинно, а не призрачно пріемшій тѣло отъ Богородицы Маріи; д) свидѣтельства о тогдашнемъ вѣрованіи всей Церкви св. Иринея и Тертуллиана⁴³⁾, которые сами жили въ то время и, по обязанности своей, могли и должны были знать ея истинное вѣрованіе. Проведшій дни юности своей на Востокъ подъ ближайшимъ руководствомъ мужа апостольскаго св. Поликарпа, посѣтившій затѣмъ до половины современный христіанскій міръ, и, наконецъ, послужившій Церкви Христовой на Западѣ въ санѣ Ліонскаго епископа, св. Иринея вотъ что говоритъ о ея вѣрованіи: „Церковь, хотя разсѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли, но приняла отъ апостоловъ и отъ учениковъ ихъ вѣру въ единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, и море и все, что въ нихъ, и во единого Христа Іисуса, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія, и въ Духа Святаго, чрезъ пророковъ возвѣстившаго все домостроительство Божіе и пришествіе и рожденіе отъ Дѣвы, и страданіе и воскресеніе изъ мертвыхъ и вознесеніе во плоти на небо возлюбленнаго Христа Іисуса Господа нашего, а также явленіе Его съ небесъ во славу Отчей, чтобы и возглавить все и воскресить всякую плоть всего чело-вѣчества“⁴⁴⁾; е) и, наконецъ, символъ никео-цареградскій, выражающій догматъ о воскресеніи чело-вѣческой плоти въ словахъ „чаю воскресенія мертвыхъ“⁴⁵⁾.

Сознавая важность и великое значеніе истины воскресенія чело-вѣческой плоти, св. отцы и учителя Церкви трехъ первыхъ вѣковъ единогласно исповѣдали ее въ своихъ писаніяхъ съ большею или меньшею ясностію. Св. Іустинъ философъ и мученикъ, Аѣинагоръ, Тертуллианъ, Оригенъ, св. Меѳодій Тирскій и др. посвятили особые трактаты утверженію и защитѣ этой истины, отрицаемой древними еретиками. Этимъ то обстоятельствомъ и объясняются то, что догматъ о воскресеніи чело-вѣческой плоти получилъ въ первые три вѣка хри-

⁴²⁾ *ibid.* стр. 92.

⁴³⁾ Тертул. „De praescr. haerer. cap. 13.

⁴⁴⁾ Твор. св. Иринея еп. Ліонск., пять книгъ противъ ересей, кн. 1-я. гл. X, п. 1, стр. 44. Перев. сваш. П. Преображенскаго 1868 г.

⁴⁵⁾ Впрочемъ, никео-цареградскій символъ относится къ IV вѣку.



стіанства возможно полное и определенное выражение. Изъ св. отцевъ 1-го вѣка или правильнѣе мужей апостольскихъ—св. Климентъ Римскій (умеръ въ 101 г.) довольно сильно и убѣдительно свидѣтельствуетъ о воскресеніи человѣческихъ тѣлъ, доказывая послѣднее словами Св. Писанія, воскресеніемъ Иисуса Христа, всемогуществомъ Божиимъ и, наконецъ, примѣрами видимой природы и сказаніемъ о птицѣ Фениксѣ (космологическое доказательство): „разсмотримъ, возлюбленные, говоритъ онъ, какъ Господь постоянно показываетъ намъ будущее воскресеніе, коего начаткомъ содѣлалъ Господа Иисуса Христа, воскресивъ Его отъ мертвыхъ. Посмотримъ, возлюбленные, на воскресеніе, совершающееся во всякое время. День и ночь представляютъ намъ воскресеніе: ночь отходитъ ко сну,—встаетъ день; проходитъ день,—настаетъ ночь. Посмотримъ на плоды земные, какимъ образомъ происходитъ сѣянiе зеренъ. Вышелъ сѣятель, бросилъ ихъ въ землю, и брошенные сѣмена, которая упали на землю сухія и голыя, согниваются; но послѣ изъ этого разрушенія великая сила Промысла Господня воскрешаетъ ихъ, и изъ одного зерна возвращаетъ многія и производитъ плодъ. Далѣе св. Климентъ представляетъ Фениксъ⁴⁶⁾, какъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ и заключаетъ: „итакъ почтимъ ли мы великимъ и удивительнымъ, если Творецъ всего воскреситъ тѣхъ, которые въ упованіи благой вѣры свято служили Ему, когда Онъ и посредствомъ птицы открываетъ намъ Свое великое обѣщаніе? Ибо говорится гдѣ то: и Ты воскресишь меня и восхваляю Тебя (Пс. 27, 7). И еще: я уснулъ, и спалъ, но восталъ, потому что Ты со мною (Пс. 138, 6). Такъ же Іовъ говоритъ: и Ты воскресишь эту плоть мою, которая терпитъ все это“ (Іов. XIX, 25—26)⁴⁷⁾. Св. Игнатій Богоносецъ (ум. въ 107 г. по Рожд. Христова), хваля твердость Смирнскихъ христіанъ въ вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, добавляетъ: „Сынъ Божій, по волѣ и силѣ Божественной, истинно родился отъ Дѣвы, крестился отъ Іоанна, чтобы исполнить всякую правду, истинно распятъ былъ за насъ плотію при Понтіи Пилатѣ и Иродѣ четверовластникѣ, чтобы чрезъ воскресеніе на вѣки воздвигнуть знаменіе для святыхъ и

⁴⁶⁾ Климентъ римскій первый изъ христіанскихъ писателей представляетъ Фениксъ, какъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. За нимъ послѣдовалъ Тертуллианъ (см. „De resurrect. carnis“, cap. 13), потомъ Кириллъ Іерусалимскій (Огласительн. поучен. XVIII) и др.

⁴⁷⁾ Посл. къ Коринѣ, 1-е гл. 24—27; см. писанія мужей апостольск., перев. св. П. Преображенскаго (1862 г.), стр. 126—129.

вѣрныхъ своихъ, какъ между іудеями, такъ и язычниками, совокупленныхъ въ единомъ тѣлѣ Церкви Своей“⁴⁸⁾; подъ „знаменіемъ“, по словамъ еп. Сильвестра, нужно разумѣть не иное что, какъ знаменіе воскресенія, и всѣхъ тѣхъ, для коихъ оно дано. Св. Поликарпъ Смирнскій (ум. въ 166 г.) твердо исповѣдалъ истину воскресенія мертвыхъ, когда сказалъ: „кто слова Господни будетъ толковать по собственнымъ похотямъ и говорить, что нѣтъ ни воскресенія, ни суда, тотъ первенецъ сатаны“⁴⁹⁾, и еще—въ молитвѣ во время мученическихъ страданій⁵⁰⁾.

Изъ отцовъ и учителей Церкви II-го вѣка твердо исповѣдалъ истину воскресенія мертвыхъ св. Іустинъ мученикъ. Это видно изъ его первой апологіи, представленной имъ въ пользу христіанъ Антонину Благодетелю: „Платонъ, замѣчаетъ св. Іустинъ, говорилъ, что грѣшники придутъ на судъ къ Радаманту и Миносу и будутъ ими наказаны; и мы утверждаемъ тоже самое, но по нашему, судію будетъ Христосъ и души ихъ будутъ соединены съ тѣми же тѣлами“... и еще: „пророки предсказали два пришествія Христова: одно, уже бывшее, въ видѣ челоука не славнаго и страждущаго, другое, когда Онъ, какъ возвышено, со славою придетъ съ небесъ, окруженный ангельскимъ Своимъ воинствомъ, и когда воскреситъ тѣла всѣхъ бывшихъ людей, и тѣла достойныхъ облечетъ въ нетлѣніе, а тѣла нечестивыхъ, способныя вѣчно чувствовать, пошлетъ вмѣстѣ съ злыми демонами въ вѣчный огонь“⁵¹⁾. Съ другой стороны, вѣра св. Іустина Философа въ ту же самую истину явствуетъ изъ его „слова о воскресеніи“⁵²⁾, гдѣ онъ подробно и обстоятельно изслѣдуетъ догматическій вопросъ о воскресеніи. По мнѣнію св. Іустина, главное и всецѣлое основаніе и доказательство воскресенія челоуческихъ тѣлъ лежитъ въ самомъ воскресеніи Христовомъ, которое предначало и предъизобразило собою всеобщее воскресеніе мертвыхъ: „Сынъ Его (Бога Отца) Слово пришелъ къ намъ во плоти, показуя Себя и Отца, и далъ намъ въ Себѣ Самомъ воскресеніе изъ мертвыхъ и послѣ того жизнь вѣчную. Это—Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ и Господь; въ

⁴⁸⁾ Посл. къ Смирн. I, гл. I-я, стр. 417.

⁴⁹⁾ Писан. къ Филип., гл. VII, стр. 446.

⁵⁰⁾ Окружн. послан. Смирн. Церкви о мученичествѣ св. Поликарпа. Христіан. Чтеніе 1821 г. ч. 1-я, стр. 135.

⁵¹⁾ Соч. св. Іустина мучен. I апол., п. 8, стр. 44; п. 52, стр. 99. Диалогъ съ Трифономъ іудеемъ п. 80, стр. 280, въ переводѣ священ. П. Преображенскаго (1854 г.).

⁵²⁾ Слово о воскресеніи, стр. 110. Перев. св. Преображенск., 1864 г.



немъ то заключается доказательство и достовѣрность Его самого и всего. Посему тѣ, которые Ему слѣдуютъ, зная Его вѣруютъ въ Него, какъ въ доказательство и въ Немъ успокоиваются“ (слово о воскресеніи п. I). Но современные Св. Іустину лжеучители, не взирая на указанное имъ основаніе и доказательство всеобщаго воскресенія, отрицали послѣднее. Одни изъ нихъ признавали его невозможнымъ, другіе говорили, что недостойно Бога воскресеніе плоти—ничтожной и презрѣнной, иные же утверждали, что она вовсе не имѣетъ обѣтованія. Вслѣдствіе этого, Св. Іустину нужно было опровергнуть положенія лжеучителей и утвердить истину воскресенія мертвыхъ и онъ дѣлаетъ это съ особенною тщательностью. Прежде всего онъ говоритъ противъ тѣхъ, которые почитаютъ невозможнымъ для Бога воскресеніе плоти. „Мнѣ кажется, замѣчаетъ онъ, имъ надо поставить на видъ то, что они сами не видятъ, что на словахъ называютъ себя вѣрующими, а на дѣлѣ оказываются невѣрующими и даже хуже невѣрующихъ. Потому что всѣ народы, почитающіе идоловъ, убѣждены, что для нихъ все возможно, какъ и поэтъ ихъ Гомеръ говоритъ... боги все могутъ и легко (Одисс. X, 306),—прибавивъ слово легко, чтобы показать величіе силы боговъ, а они являются болѣе невѣрующими (чѣмъ язычники). Если язычники приписывали всемогущество идоламъ, богамъ своимъ, которые „имѣютъ уши и не слышатъ, имѣютъ глаза и не видятъ“ (Пс. 113, 5—6), которые суть демоны, по словамъ Псаломчѣвца: „боги народовъ — демоны“ (Пс. 95, 5),—тѣмъ болѣе мы, содержащіе превосходную и истинную вѣру, должны вѣровать нашему Богу, когда имѣемъ доказательства,—во-первыхъ, въ происхожденіи первозданнаго, такъ какъ онъ сотворенъ Богомъ изъ земли, а это служить достаточнымъ доказательствомъ могущества Божія. Во-вторыхъ размышляющіе должны обратить вниманіе на преемственное другъ отъ друга происхожденіе людей и тѣмъ болѣе удивляться сему, что изъ малѣйшей капли влаги образуется такое живое существо. Конечно, если бы это (воскресеніе плоти) было обѣщано и не являлось на дѣлѣ, то оно болѣе другаго не заслуживало бы вѣры, но достовѣрность его свидѣлствуется исполненіемъ. Примѣры воскресенія представилъ намъ Спаситель“. Не довольствуясь доказательствомъ отъ вѣры и внѣшними (заимствованными отъ міра) въ пользу возможности воскресенія мертвыхъ, Св. Іустинъ представляетъ понудительное доказатель-

ство, не отъ вѣры, которой лжеучители чужды, но отъ невѣрія—матери ихъ, т. е. отъ основаній, представляемыхъ міромъ. „Исслѣдователи міра, называемые мудрецами, говорятъ, что вселенную составляютъ—одни, какъ Платонъ—матерія и Богъ, другіе, какъ Эпикуръ—атомы и пустота, иные, какъ, напр., Стоики—четыре стихіи: огонь, вода, воздухъ и земля. Платонъ говоритъ,—что все создано Богомъ изъ матеріи и по Его промысленію; Эпикуръ съ своими послѣдователями утверждаетъ, что все произошло изъ атома и пустоты по какому-то случайному порыву естественнаго движенія тѣлъ, а стоики все производятъ изъ четырехъ стихій при посредствѣ дѣятельности Божіей. При такомъ разногласіи ихъ, у нихъ есть нѣкоторыя общія положенія, всѣми ими признаваемые: первое—то, что сущее не можетъ ни произойти изъ ничево, ни разрѣшиться въ ничто и исчезнуть, а другое—что есть стихіи неразрушимыя, изъ которыхъ происходитъ всякая вещь. Если это такъ,—по началамъ всѣхъ ихъ окажется возможнымъ возстановленіе плоти. Потому что, если, по Платону, существуютъ матерія и Богъ,—та и Другой неразрушимы: Богъ занимаетъ мѣсто художника или образователя, а матерія служитъ какъ бы глиною, воскомъ или чѣмъ нибудь такимъ. Произведеніе, образованное изъ матеріи—статуя или фигура, подлежитъ разрушенію, а самая матерія—глина, воскъ или другой какой-нибудь видъ вещества—неразрушима. Такъ, художникъ образуетъ изъ глины или воска и живо выражаетъ образъ животнаго: если потомъ разрушится его произведеніе, то ему не невозможно смѣшавъ и вновь составивъ тоже вещество, сдѣлать такое же изображеніе“... Если же такъ, т. е. если матерія, изъ которой составляется тѣло, неразрушима, и если мозаическій художникъ, имѣя кусочки неразрушимой матеріи, можетъ сдѣлать изъ нихъ изображеніе, напр. животнаго, подобное разрушившемуся, то ужели же Богъ не можетъ отдѣлившіеся другъ отъ друга члены плоти опять совокупить и сдѣлать тѣло тождественное прежде созданному Имъ“.

Такъ доказываетъ Св. Іустинъ возможность воскресенія плоти на основаніи понятій язычниковъ. На возраженіе лжеучителей, утверждавшихъ, что плоть человѣческая недостойна воскресенія и небснаго жителства, потому что, во-первыхъ, сущность ея есть земля, во-вторыхъ, она полна всякаго грѣха, такъ что принуждаетъ и душу грѣшить вмѣстѣ съ нею, Св. Іустинъ



весьма основательно замѣчаетъ: „такіе люди, кажется, не знаютъ дѣла Божія, не знаютъ ни первоначальнаго происхожденія и созданія человѣка, ни того, для чего создано все существующее въ мірѣ. Развѣ Слово не говоритъ: „сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію?“ О какомъ человѣкѣ Онъ говоритъ? Очевидно, — о плотяномъ. Ибо Слово говоритъ: „и взялъ Богъ персть отъ земли и создалъ человѣка“ (Быт. II, 7). Ясно, что человѣкъ, созданный по образу Божію, былъ плотяный. Потомъ, не нелѣпо ли говорить о плоти, созданной Богомъ по Его образу, что она безславна и ничего не стоитъ? ⁵³⁾ Что плоть есть вещь почтенная предъ Богомъ, это видно, во-первыхъ, изъ того, что она создана Имъ, такъ какъ изображеніе пріятно ваятелю и живописцу. Это же можно понять и изъ прочаго творенія міра, ибо то, для чего создано остальное, пріятнѣе всего для Создавшаго. Такъ, говорятъ они; но плоть грѣховна, такъ что и душу принуждаетъ она грѣшить вмѣстѣ съ нею. Напрасно же они обвиняютъ плоть и на нее одну возлагаютъ грѣхи той и другой. Ибо какъ плоть можетъ сама по себѣ грѣшить, если не будетъ начинанія и вызова къ тому со стороны души? Какъ въ парѣ воловъ, если они выйдутъ изъ ярма, разлучатся между собою, ни одинъ изъ нихъ отдѣльно не можетъ пахать, такъ и душа и тѣло, по разрушеніи союза, ничего не могутъ сами по себѣ дѣлать. Если же и одна только плоть грѣховна, то ради ея одной пришелъ Спаситель, какъ Онъ говоритъ: Я не пришелъ призвать праведныхъ, но грѣшниковъ (Мр. II, 17). Итакъ, — говоритъ Св. Іустинъ, — если плоть, какъ доказано, почтенна предъ Богомъ и превосходнѣе всѣхъ тварей, то она по справедливости должна быть Имъ сохранена“ (Слово о воскресеніи, п. 7). Наконецъ, положеніе лжеучителей, что хотя плоть есть преимущественное дѣло Божіе и пріятнѣе Ему предъ всѣми тварями, однако не имѣетъ она обѣтованія воскресенія, Св. Іустинъ опровергаетъ такимъ образомъ. „Не нелѣпо ли то, чтобы созданное съ такимъ тщаніемъ и болѣе всего прочаго почтенное Создатель презрѣлъ до того, что оно обратилось бы въ ничто? Ваятель и живописецъ, если желаютъ, чтобы сдѣланныя ими изображенія оставались для ихъ собственной славы, возобновляютъ ихъ, когда они попортыя; а Богъ ужели такъ небрежетъ о Своемъ созданіи, что оно

⁵³⁾ Такія же мысли находимъ у Аѳинагора и Тертуліана (De resur. carn., с. 5—7).

приходить въ ничтожество, — не заботясь о восстановленіи его бытія? Мы называемъ напрасно трудившимся того, кто, построивъ домъ, потомъ разрушилъ бы его, или когда онъ разрушился, пренебрегалъ бы имъ, будучи въ состояніи восстановить его; Бога же развѣ не обвинили бы мы, что Онъ понапрасну дѣлалъ? Но не таковъ Неплѣнный, не безумень Умъ вселенной... Богъ призвалъ плоть къ воскресенію и общаетъ ей жизнь вѣчную. Ибо, благовѣствуя спасеніе человѣка, Онъ общаетъ и плоть спасти. Что такое человѣкъ, какъ не животное разумное, состоящее изъ души и тѣла? Развѣ душа сама по себѣ есть человѣкъ? Нѣтъ — она душа человѣка. А тѣло развѣ можетъ быть названо человѣкомъ? Нѣтъ, — оно называется тѣломъ человѣка. Если же ни та, ни другое въ отдѣльности не составляютъ человѣка, но только существо, состоящее изъ соединенія той и другого, называется человѣкомъ ⁵⁴⁾, а Богъ человѣка призвалъ къ жизни и воскресенію: то Онъ призвалъ не часть, но цѣлое, т. е. душу и тѣло. Ибо не нелѣпо ли, тогда какъ то и другое въ бытіи своемъ связано воедино, сохранять одну, а другое — нѣтъ? Поелику, какъ доказано, нѣтъ невозможнаго, чтобы плоть была восстановлена къ бытію, то что за различіе, — чтобы душа сохранилась, а плоть нѣтъ? Или почитаютъ Бога завистливымъ? Но Онъ благъ и желаетъ всѣмъ спастись, и не только душа и съ нею плоть слышали Его и проповѣдь Его и увѣровали во Христа Іисуса, но обѣ онѣ были омыты, обѣ дѣлали правду ⁵⁵⁾. Не значитъ ли это представлять Бога неблагодарнымъ или несправедливымъ, если Онъ хочетъ одну сохранить, а другую нѣтъ, тогда какъ обѣ онѣ вѣруютъ въ Него? Такъ, говорятъ они. Но душа неплѣнна, ибо она часть и дѣханіе Божіе, и посему Ему угодно сохранить Свое и сродное, а плоть тлѣнна и не отъ Него, какъ душа. Итакъ, какая благодарность Ему? И какое обнаруженіе Его могущества и благодати, если Онъ сохранить то, что по природѣ своей сохранимо и есть часть Его? Такое существо само по себѣ можетъ оставаться цѣлымъ, такъ что тотъ, кто сохраняетъ душу, не великое дѣло дѣлаетъ; ибо ей принадлежитъ неразрушимость, такъ какъ она есть часть Его, будучи дѣханіемъ Его. Но не слѣдуетъ благо-

⁵⁴⁾ Такая же мысль о тѣсной связи души съ тѣломъ почти буквально повторяется у св. Иринея (adv. haer. V, с. 6 § 1-й), у Аѳинагора (De resur. carn. 15) и у Тертуліана (De resur. carnis., с. 34; adv. Marc. IV, с. 37).

⁵⁵⁾ Ср. Иринея adv. haer. II, с. 29 § 1-й. Тертул. De resur. carnis., с. 8.



дарность тому, кто сохраняет свое, ибо это значит сохранять себя самого. Кто сохраняет часть себя самого, тотъ самъ собою сохраняет себя, дабы не остаться лишеннымъ той части. Такое дѣло не есть дѣло благаго. Ибо никто не назоветъ благимъ челоуѣка, который дѣлаеть что-либо доброе своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это дѣлають и самые дикіе звѣри, которые, если бы имъ нужно было даже умереть за дѣтей своихъ, охотно этому подвергаются. Но если кто тоже самое сдѣлаеть для рабовъ, то по справедливости можетъ назваться благимъ“ (Слово о воскресеніи, п. 8). Устранивъ такимъ образомъ три вышеуказанныя положенія лжеучителей относительно вопроса о воскресеніи мертвыхъ, Св. Іустинъ снова приводитъ положительныя основанія ученія о воскресеніи челоуѣческой плоти, заключающіяся въ томъ, что Христосъ другихъ воскрешалъ и Самъ воскресъ въ той плоти, которая страдала (9 гл.), и въ цѣли пришествія Христова. „Если Ему, — говоритъ онъ, — ни на что не нужна была плоть, то зачѣмъ и исцѣлялъ ее? И что всего важнѣе, Онъ воскрешалъ мертвыхъ? ⁵⁶⁾ Души ли ихъ или тѣла? Очевидно, тѣ и другія вмѣстѣ. Если бы воскресеніе было только духовное (какъ у гностиковъ; см. Тертулл. de resurrect. carnis, с. 19), то, Самъ, воскресши, долженъ былъ отдѣльно показать тѣло лежащее, отдѣльно душу существующую... Но этого Онъ не сдѣлалъ, а воскресилъ тѣло, въ Себѣ самомъ подтверждая обѣтованіе жизни. Для чего же Онъ возсталъ въ пострадавшей плоти, какъ не для того, чтобы показать воскресеніе плоти? И желая удостовѣрить въ этомъ когда ученики Его невѣровали, что Онъ истинно возсталъ тѣломъ, когда они видѣли и сомнѣвались, — Онъ сказалъ имъ: „Еще ли не вѣруете? Видите, это — Я“ (Лук. XXIV, 38—39). И предоставилъ имъ осязать Себя и показалъ знаки гвоздей на рукахъ. И когда вполнѣ познали, что это — Онъ и въ тѣлѣ находится предъ ними, пригласили Его ѣсть съ ними, чтобы и чрезъ это несомнѣнно убѣдиться, что Онъ истинно воскресъ тѣлесно. Тогда Онъ вкусилъ меда и рыбы, такимъ образомъ показавъ имъ, что истинно есть воскресеніе плоти. Онъ, желая показать — такъ какъ, по Его словамъ (Іоан. XIV, 2—3; Филип. III, 20), „на небѣ житіе наше“ — и то, что не невозможно плоти взойти на небо, вознесся предъ глазами ихъ на небо,

⁵⁶⁾ Это же самое раскрывается у св. Иринея (Противъ ерес. V кн., гл. 12—13), у Тертула. (De resur. carn., с. 38). См. разговоръ съ Трифономъ, гл. 69.

какъ былъ во плоти. И такъ, заключаетъ св. Іустинъ, если кто послѣ всего сказаннаго потребуетъ еще доказательствъ воскресенія, тотъ ничѣмъ не отличается отъ Саддукеевъ, потому что воскресеніе плоти есть сила Божія (Мѣ. XXII, 29) и выше всякаго разсужденія, будучи подкрѣпляемо вѣрою, и видимо въ дѣлахъ“ (Слово о воскресеніи, п. 9). Таковы столь сильныя аргументы представляетъ Св. Іустинъ въ пользу христіанскаго ученія о воскресеніи челоуѣческаго тѣла.

Дальнѣйшіе апологеты христіанства, — Татіанъ, св. Теофилъ антиохійскій и Аѳинагоръ, также учили о дѣйствительности и всецѣлости воскресенія мертвыхъ. Татіанъ былъ глубоко убѣжденъ въ бытіи міра высшаго, и въ томъ, что челоуѣкъ не уничтожится безслѣдно, но воскреснетъ для новой жизни. „Мы, — говоритъ онъ, — вѣруемъ, что по окончаніи всего будетъ воскресеніе тѣлъ... Пусть огонь истребитъ мое тѣло, но міръ приметъ это вещество, разсѣвшаеся подобно пару; пусть погибну въ рѣкахъ или въ моряхъ, пусть буду растерзанъ звѣрями, но я сокроюсь въ сокровищницѣ богатаго Господа. Челоуѣкъ слабый и безбожникъ не знаетъ, что сокрыто; а Царь Богъ, когда захочетъ, возстановитъ въ прежнее состояніе сущность, которая видима для Него одного“ (Рѣчь противъ эллиновъ, гл. 6).

Св. Теофилъ ту же вѣру въ общее воскресеніе людей, имѣющее совершиться чрезъ возсозданіе ихъ, въ началѣ изъ небытія созданнаго, а послѣ образованнаго изъ небольшой влажной сущности и малѣйшей капли, которая и сама нѣкогда не существовала, тѣлеснаго состава, — обнаруживаетъ чрезъ свои сравненія его (воскресенія) то съ обновленіемъ дней послѣ ночей ⁵⁷⁾, то съ воскресеніемъ сѣмянъ и плодовъ изъ умершихъ въ землѣ зеренъ пшеницы и т. п., то съ ежемѣсячнымъ воскресеніемъ луны, то съ истощающею тѣло болѣзнію и возвращающимъ ему прежнюю красоту, силу и здоровье исцѣленіемъ ⁵⁸⁾.

VI.

Язычники, какъ извѣстно, разсуждали о воскресеніи мертвыхъ иначе, чѣмъ христіане. Христіанское ученіе о воскресеніи казалось язычникамъ несбыточной и

⁵⁷⁾ Это же самое находимъ у Климента Римскаго I къ Кор. гл. 24; у Тертула. Апол. с. 48; De resur. carn. с. 12; у Минуція Феликса, Октавія с. 34; у Кирила Іерус. оглас. поуч. 18.

⁵⁸⁾ I-я кн. къ Автолику, гл. 8 и 13 стр., 176 и 180 въ переводѣ свящ. Преображенскаго (1867 г.).



безумной мечтой, и потому, когда ап. Павел произнес слово „воскресеніе“, слушатели начали смѣяться; мало этого, язычникамъ даже весьма неприятно было слышать, что человѣческое тѣло нѣкогда воскреснетъ; потому что они привыкли смотрѣть на тѣло, какъ на темницу души, и, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, душа должна заботиться не о томъ, чтобы входить въ тѣло на вѣчность, а о томъ, чтобы скорѣе выйти изъ него, если хочетъ быть свободною и счастливою. При такомъ образѣ мыслей, доказать язычникамъ, что христіанская вѣра въ воскресеніе человѣческой плоти весьма разумна и благотворна, было дѣломъ величайшей важности и трудности. Для защиты христіанскаго ученія о воскресеніи человѣческой плоти требовался смѣлый апологетъ и краснорѣчивый ораторъ, строгій и добродѣтельный философъ. Таковымъ явился Аѳинагоръ. Приступая къ изложенію доказательствъ воскресенія мертвыхъ, Аѳинагоръ, превышавшій Св. Іустина и Татиана своею глубокою ученостію, стройнымъ и отчетливымъ изложеніемъ мыслей, дѣлаетъ различіе между тѣмъ, что по природѣ есть первое и важнѣйшее въ познаніи, и тѣмъ, что по отношенію къ намъ прежде всего требуется для познанія. Отъ природы „первое и важнѣйшее есть рѣчь „объ истинѣ“, которая бываетъ ведена ко благу тѣхъ, которые охотно и съ вѣрою принимаютъ истину; напротивъ, въ нашемъ положеніи необходимѣе другая рѣчь, которая опровергаетъ заблужденіе и представляетъ доказательства „за истину“. Ибо какъ земледѣлецъ не можетъ съ пользою бросать въ землю сѣмена, если напередъ не очиститъ ее отъ травъ дикихъ и вредныхъ для бросаемыхъ добрыхъ сѣмянъ, такъ и желающій учить истинѣ, говоря объ истинѣ, мало успѣетъ, если не удалитъ прежде невѣрія, ложнаго мнѣнія, сомнѣній. На этомъ основаніи,—говоритъ онъ,—я хочу раздѣлить свой трактатъ (о воскресеніи мертвыхъ) такимъ образомъ, чтобы прежде говорить *за* истину, а потомъ *объ* истинѣ,—т. е. сперва защитить догматъ отъ нападеній, а потомъ представить положительныя доказательства его истины“.

По мнѣнію Аѳинагора, воскресеніе человѣческаго тѣла есть дѣло Божіе. Значитъ, почитающіе это дѣломъ невозможнымъ думаютъ такъ или потому, что Богъ „не можетъ“ воскресить человѣческое тѣло изъ праха и тлѣнія, или же Онъ „не захочетъ воскресить“. Но перваго вельзя сказать о Богѣ, потому что Онъ всевѣдущъ и всемогущъ, Онъ знаетъ все, стало быть, зна-

еть и то, куда уходитъ каждая частица человѣческаго тѣла; и если Онъ могъ изъ ничего создать міръ, то, безъ сомнѣнія, Ему не трудно соединить разрушившееся, воздвигнуть лежащее, опять оживотворить умершее и тлѣнное измѣнить въ нетлѣніе. Словомъ, какъ первоначальное твореніе, такъ и воскресеніе требуютъ одинаковаго могущества и премудрости.

Возраженія, съ которыми Аѳинагору пришлось считаться при разсмотрѣніи вопроса о воскресеніи мертвыхъ, слѣдующія: 1-е—„многія тѣла погибшихъ при кораблекрушеніяхъ и въ рѣкахъ дѣлаются пищею рыбъ, также многія тѣла умирающихъ на войнѣ, или по другой какой-нибудь горестной причинѣ и несчастію лишающихся погребенія, пожираются встрѣчными животными. Когда такимъ образомъ тѣла истребятся и составляющія ихъ части и члены распредѣлятся по многимъ животнымъ, и посредствомъ питанія соединятся съ тѣлами питающихся: то, во-первыхъ, говорятъ, невозможно ихъ отдѣленіе, и къ тому, во-вторыхъ, присоединяютъ еще болѣе затруднительное. Такъ какъ изъ животныхъ, напитавшихся тѣлами человѣческими, нѣкоторыя годны въ пищу людямъ и проходя чрезъ ихъ чрево соединяются съ тѣлами потребившихъ ихъ: то по необходимости части людей, которыя сдѣлались пищею принявшихъ ихъ животныхъ, поступаютъ въ тѣла другихъ людей, такъ какъ напитавшіяся ими животныя препровождаютъ принятую пищу къ тѣмъ людямъ, для которыхъ сами они послужили пищею“. Какъ же можно, чтобы при такомъ страшномъ превращеніи и видоизмѣненіи элементы тѣла опять соединились? Но подобное возраженіе, говоритъ Аѳинагоръ, дѣлаютъ тѣ, которые все измѣряютъ вѣдѣніемъ и могуществомъ человѣческимъ, а забываютъ всевѣдѣніе и всемогущество Божіе, „не разумѣютъ могущества и премудрости Создателя и Распорядителя вселенной“. Притомъ, надо отличать пищу отъ питанія въ собственномъ смыслѣ. Богъ при созданіи приготовилъ для каждаго животнаго пищу сродную и соотвѣтственную его естеству и роду, такъ что эта только пища и можетъ обращаться съ пользою въ организмъ питающагося животнаго; въ противномъ случаѣ, не можетъ быть не только питанія, но произойдетъ непременно вредъ для организма. Итакъ, человѣческое тѣло, какъ не назначенное въ пищу для животныхъ и ни для того, какой бы родъ тлѣнія ни проходило, нигдѣ не утрачиваетъ своей сущности, имѣющей воскреснуть по дѣйствию силы Божіей.



Если же оно и пожирается иногда животнымъ, однако никогда не можетъ обратиться въ его плоть и кровь ⁵⁹⁾, или сдѣлаться существенною его частью.

Дальше, по мнѣнію Аѳинагора, „нельзя сказать, что Богъ не хочетъ воскресенія мертвыхъ. Богъ не хочетъ только того, что недостойно Его, или несправедливо само по себѣ. Но рѣшительно невозможно представить, чтобы воскресеніе — величайшее чудо, и величайшее благо безсмертія человѣка и по тѣлу, было недостойно славы Божіей и несправедливо для Его безпредѣльной благодати; ибо если не было недостойно Его создать тѣло худшее, т. е. тлѣнное и подверженное страданію, тѣмъ болѣе не недостойно Его создать лучшее, т. е. тѣло нетлѣнное и чуждое страданія“ (п. 10). „Невозможно также представить того, чтобы оно было несправедливо по отношенію къ постороннимъ существамъ, которыя считаются въ числѣ существующихъ (напр., духовныя существа, безсловесныя животныя и бездушныя твари)! Духовныя существа, говоритъ Аѳинагоръ, не будутъ обижены воскресеніемъ людей, — ибо воскресеніе людей не послужитъ никакимъ препятствіемъ для ихъ бытія, ни вредомъ, ни оскорбленіемъ; не будутъ обижены — ни безсловесныя животныя, ни бездушныя твари, ибо эти и не будутъ существовать послѣ воскресенія. Притомъ, существамъ, у которыхъ природа неодинакова съ человѣческою, Справедливый не можетъ дать и конецъ одинаковый; стало-быть, безсловесныя животныя не имѣютъ права обвинять Создателя, будто они несправедливо унижены предъ людьми тѣмъ, что неудостоены одинаковаго съ ними воскресенія. Наконецъ, если теперь, будучи подчинены роду человѣческому, служа нуждамъ людей, находясь подъ игомъ и въ рабствѣ всякаго рода, животныя не терпятъ отъ этого никакой несправедливости, тѣмъ болѣе тогда, когда люди будутъ безсмертны, чужды недостатка и уже не станутъ нуждаться въ употребленіи ихъ ⁶⁰⁾, — они, освобожденные отъ всякаго рабства, не будутъ обижаться, — это съ одной стороны; съ другой, — у кого нѣтъ никакого понятія о справедливости, у тѣхъ не бываетъ и жалобы на несправедливость. Равнымъ

⁵⁹⁾ Мнѣніе, что человѣческое тѣло, какъ не назначенное въ пищу животнымъ, не можетъ обратиться въ ихъ плоть и кровь, ошибочно. Оно произошло отъ неправильнаго толкованія словъ Аристотеля, который сказалъ: „что всякій излишекъ принятый въ нашъ организмъ, не только не пользуетъ, но даже вредитъ намъ“. (Ritter V, 315).

⁶⁰⁾ Будущія тѣла, по Аѳинагору, вслѣдствіе полученія ими нетлѣнія, будутъ въ измѣненномъ и лучшемъ видѣ, будутъ свободны отъ чувственныхъ и земныхъ потребностей.

образомъ нельзя сказать и того, чтобы представлялась какая несправедливость по отношенію къ самому человѣку воскрешаемому. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Воскресеніемъ не будетъ сдѣлана несправедливость ни по отношенію къ душѣ, ни по отношенію къ тѣлу. Если душа, обитая теперь въ тѣлѣ тлѣнномъ и подверженномъ страданію, не терпитъ чрезъ это никакой несправедливости; тѣмъ болѣе для нея не будетъ обиды, когда она станетъ обитать въ тѣлѣ нетлѣнномъ и чуждомъ страданій. И въ отношеніи къ тѣлу не будетъ никакой несправедливости. Ибо если нынѣ оно тлѣнное, существуя вмѣстѣ съ нетлѣннымъ, не терпитъ обиды, то, очевидно, само, сдѣлавшись нетлѣннымъ и существуя вмѣстѣ съ нетлѣннымъ, чрезъ это не будетъ обижено“ (п. 10). Итакъ, главнымъ основаніемъ нашей вѣры въ истину воскресенія мертвыхъ, по Аѳинагору, служитъ всемогущество и всевѣдѣніе Бога, а также сотвореніе міра по Его волѣ, о чемъ и говоритъ онъ въ 1-й части своего трактата о воскресеніи мертвыхъ. Хотя Аѳинагоръ не причисляетъ этого доказательства къ положительнымъ, — но на самомъ дѣлѣ оно есть самое важное и сильное (Лук. XVIII, 27; Мѳ. XIX, 26). Наука только тогда могла бы ослабить его силу, если бы можно было доказать, что человѣкъ явился на свѣтъ безъ воли и силы Божіей. Но естествознаніе этого не доказало и никогда не докажетъ. „Въ наше время, — говоритъ Фреппель ⁶¹⁾, — всѣми признана несостоятельность теоріи Дюпюи (Dupuis), который говоритъ, что человѣческій родъ существуетъ потому, что существовалъ всегда, или несостоятельность теоріи Ламарка, который производитъ человѣка изъ низшаго животнаго чрезъ постепенное и продолжительное преобразование. Геологическія и палеонтологическія открытія подтверждаютъ сказаніе Моисея о томъ, что родъ человѣческій не всегда существовалъ на землѣ, что онъ явился за нѣсколько тысячъ лѣтъ, какъ новый типъ, а не какъ результатъ прогрессивнаго развитія древнѣйшихъ типовъ. Постоянный и общій законъ тотъ, что низшій видъ не можетъ произвести недѣлимыхъ высшаго вида. Отсюда, нѣтъ ученія достовѣрнѣе, какъ ученіе о твореніи“. Но если начало земному существованію человѣка положено чудесно, то почему не можетъ быть чудесенъ и конецъ этого существованія? Чудо за чудо, — и второе такого же рода, какъ и первое.

⁶¹⁾ Cours d'eloqu. saer. 1856/60 dix. lec.



Чтобы придать силу своему доказательству, Аѳинагоръ, какъ видѣли раньше, проводить ту мысль, что для Бога легче (?) воскресить, нежели сотворить человѣка; потому что твореніе міра было изъ ничего, а для воскресенія есть какъ бы нѣкоторый матеріаль, т. е. элементы тѣла, которые никогда не уничтожаются.

Такимъ образомъ, воскресеніе разрушившихся тѣлъ, по Аѳинагору, есть дѣло и возможное, и угодное и достойное Создателя.

Для положительнаго доказательства истины воскресенія мертвыхъ Аѳинагоръ обращаетъ вниманіе а) на то, для чего Богъ сотворилъ человѣка и потомковъ его, — „на ту причину, по которой и для которой произошелъ первый человѣкъ и потомки его“ (п. 11); б) на общую природу всѣхъ людей, какъ людей (т. е. на свойства человѣческой природы вообще); и в) на грядущій судъ, ожидающій всѣхъ людей. Поставляя вопросъ: для чего Богъ сотворилъ человѣка, Аѳинагоръ разсуждаетъ такъ: „Богъ, конечно, сотворилъ человѣка не напрасно, — ибо Онъ премудръ, а никакое дѣло премудрости не бываетъ напрасно, — и не для собственной пользы, ибо Онъ ни въ чемъ не нуждается. Тому, кто совершенно ни въ чемъ не нуждается, ничто изъ созданнаго Имъ не можетъ служить къ собственной Его пользѣ. Также и не для кого-нибудь изъ созданныхъ Имъ твореній Онъ сотворилъ человѣка. Ибо никто изъ одаренныхъ разумомъ и сужденіемъ не сотворенъ и не творится для пользы другого большаго или меньшаго существа, но для собственной ихъ жизни и пребыванія. Итакъ, если человѣкъ сотворенъ не безъ причины и не напрасно, ибо ничто изъ сотвореннаго Богомъ не напрасно, въ отношеніи къ намѣренію Создателя, — и не для пользы Самого Создателя или кого-нибудь другого изъ твореній Вожіихъ, то, очевидно, что если смотрѣть на первую и общую причину всѣхъ вещей, Богъ сотворилъ человѣка ради Себя самого, ради благодати и премудрости, созерцаемой во всѣхъ созданіяхъ, а если разсматривать причину ближайшую къ сотвореннымъ людямъ — для жизни самихъ сотворенныхъ, и притомъ для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потомъ совершенно угасаетъ. Такую жизнь, по его мнѣнію, Богъ удѣлилъ всѣмъ безсловеснымъ животнымъ; тѣмъ же, которые носятъ въ себѣ образъ Самого Творца, владѣютъ умомъ и одарены разумомъ, Творецъ опредѣлилъ вѣчное существованіе, чтобы они, познавая Своего Творца и Его силу и премудрость, и

слѣдуя закону и правдѣ, безболѣзненно пребывали во вѣки съ тѣмъ, съ чѣмъ проводили предшествующую жизнь, находясь въ тлѣнныхъ и земныхъ тѣлахъ“ (п. 12).

Итакъ, если Творецъ всего создалъ человѣка для того, чтобы онъ былъ причастникомъ разумной жизни, и чтобы онъ, сдѣлавшись созерцателемъ Его величія и сіяющей во всемъ мудрости, всегда пребывалъ въ такомъ созерцаніи, согласно съ намѣреніемъ Его и съ природою, какую получилъ человѣкъ, то причина сего созданія удостовѣряетъ въ непрерывности его существованія, а непрерывность — въ воскресеніи, безъ котораго человѣкъ не существовалъ бы всегда. Изъ сказаннаго очевидно, что причиною созданія человѣка и намѣреніемъ Творца ясно доказывается воскресеніе мертвыхъ ⁶²).

Дальше, по мнѣнію Аѳинагора, природа сотворенныхъ людей приводитъ къ убѣжденію въ воскресеніи человѣческой плоти, и утверждаетъ вѣру въ него. Природа человѣческая состоитъ изъ бессмертной души и изъ тѣла, которое соединено съ нею при сотвореніи; притомъ, ни природѣ души самой по себѣ, ни природѣ тѣла отдѣльно не даровалъ Богъ самостоятельнаго бытія и жизни: ни душа безъ тѣла, ни тѣло безъ души не составляетъ человѣка, но то и другое вмѣстѣ есть человѣкъ и, слѣдовательно, если мы предназначены къ бессмертію, то должно быть бессмертно и самое тѣло наше, иначе говоря, человѣку должно оставаться всегда и состоять изъ души и тѣла, а такимъ пребывать ему невозможно, если не воскреснетъ, потому что если нѣтъ воскресенія, то не останется природа человѣковъ, какъ человѣковъ ⁶³) (п. 15). Въ-третьихъ, по Аѳина-

⁶²) Мнѣніе нѣкоторыхъ, что первая причина воскресенія мертвыхъ — судъ, Аѳинагоръ считаетъ ошибочнымъ по слѣдующимъ причинамъ: „всѣ умершіе люди воскреснутъ, но не всѣ воскресіе будутъ судимы. Ибо если бы одинъ только праведный судъ былъ причиною воскресенія, то послѣдовало бы, что не сдѣлавшіе ничего худого, ни добраго не воскреснутъ, напр. самые малые младенцы. А между тѣмъ воскресеніе назначено какъ всѣмъ прочимъ, такъ и умершимъ въ первомъ возрастѣ, и послѣдніе служатъ доказательствомъ, что воскресеніе будетъ не ради суда, какъ первой причины, но по намѣренію Творца и по природѣ сотворенныхъ существъ“ (п. 14).

⁶³) Изъ словъ Аѳинагора о неразрывной связи между тѣломъ и душою многіе заключаютъ, что онъ отвергалъ личное существованіе души по смерти тѣла. Мы съ своей стороны положительно утверждаемъ, что Аѳинагоръ не раздѣлялъ мысли объ отрицаніи существованія души по смерти тѣла. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ неоднократно и категорически говоритъ, что наша душа по природѣ своей бессмертна, что она не сослѣдуетъ изъ отдѣльныхъ частей и, слѣдовательно, разрушеніе тѣла не влечетъ за собою разрушенія души. Притомъ онъ называетъ смерть сномъ, только болѣе продолжительнымъ, нежели обыкновенный. Но извѣстно изъ психологии, что во время сна дѣятельность души не прекращается; хотя она не живетъ тогда полною жизнью, — но живетъ, — и. стало быть, можетъ сознавать себя. Подобное же состояніе испытываетъ душа, думалъ Аѳинагоръ, и по смерти тѣла — до всеобщаго суда.



гору, воскресения нашихъ тѣлъ требуютъ и правда Божія и премудрость. Правда: потому что тѣло человека участвуетъ какъ въ добрыхъ дѣлахъ души, такъ и въ ея беззаконіяхъ; стало быть, по справедливости, должно участвовать и въ ея вѣчныхъ наградахъ или наказаніяхъ. Премудрость: потому что, по премудрости, какъ замѣчено нами выше, Богъ создалъ человека двухчастнымъ, изъ тѣла и души, чтобы въ этомъ видѣ достигалъ своего предназначенія; значитъ, премудрость Божія не оправдалась бы отъ дѣлъ, если бы рано или поздно, тѣло человека, по разлученіи съ душою, снова не соединилось съ нею для составленія полного человека (п. 21—23)⁶⁴). Наконецъ, по Аѳинагору, къ признанію истины воскресения мертвыхъ приводитъ насъ цѣль нашего бытія. Цѣль нашего бытія—въ самой жизни нашей; но эта цѣль не будетъ достигнута, если существованіе человека не продолжится въ другомъ мірѣ. Опытъ говоритъ намъ, что одинъ человекъ не достигаетъ на землѣ своего назначенія, именно потому, что наша земная жизнь слишкомъ коротка для достиженія той высокой и отдаленной цѣли, къ которой мы стремимся. Мы—существа духовныя и разумныя, имѣемъ въ себѣ сѣмена истины и добра; но эти сѣмена не развиваются здѣсь надлежащимъ образомъ, и, ясное дѣло, требуютъ для своего развитія иного солнца и воздуха болѣе благообразнаго (п. 24—25).

Резюмируя сказанное Аѳинагоромъ относительно воскресения человеческой плоти, замѣтимъ, что онъ изложилъ въ своемъ трактатѣ „о воскресеніи мертвыхъ“ безусловно все, что только можетъ сказать естественный разумъ для объясненія догмата о воскресеніи мертвыхъ.

Разсужденія послѣдующихъ оо. и учителей Церкви, именно, св. Иринея, еп. Ліонскаго, и Тертуллиана, пресвитера Карфагенскаго, о воскресеніи человеческой плоти замѣчательны уже больше въ богословскомъ, нежели философскомъ, отношеніи. Возставать противъ догмата о воскресеніи человеческой плоти, по мнѣнію св. Иринея, можетъ только тотъ, кто не представляетъ Бога всемогущимъ и праведнымъ, или же не вѣритъ въ дѣйствительность плоти Христовой (Кн. V, гл. III). Единственнымъ доказательствомъ воскресения человеческой плоти св. Иринея почитаетъ, подобно своимъ

⁶⁴) На необходимость достойнаго воздаянія по дѣламъ нашимъ указывали даже язычники, только не въ доказательство воскресенія, ожидаемаго христианами.

предшественникамъ, всемогущество Божіе, и обитаніе благодати въ тѣлѣ вѣрующаго, дарованной намъ воскресеніемъ Христа (кн. V, гл. 3—10)⁶⁵). Онъ находитъ въ тѣлѣ только способность къ принятію жизни, даруемой всемогущимъ Богомъ. Но и въ этомъ случаѣ разумѣть не обыкновенное тѣло, но облагодатствованное, пользовавшееся таинствомъ Евхаристіи: „Когда растворенная чаша и хлѣбъ пріемлетъ Слово Божіе и становится Евхаристіею тѣла и крови Христовой, которыми умножается и укрѣпляется составъ плоти нашей: какъ же говорятъ, что плоть не участвуетъ въ дарованіи Божіемъ—въ жизни вѣчной, если она питается тѣломъ Христа Самого и есть членъ его“ (кн. V)⁶⁶). Св. Иринея уклоняется отъ умственныхъ доказательствъ при разсужденіи о воскресеніи мертвыхъ и обосновываетъ послѣднее, какъ въ общемъ, такъ и въ частности, исключительно на непререкаемомъ свидѣтельствѣ Божественнаго Откровенія. Свидѣтельствомъ послѣдняго обстоятельства служить его пятая книга противъ еретиковъ (гл. I—XV. XXXI).

Тертуллианъ, получившій философское образованіе, только развилъ доказательства⁶⁷) своихъ предшественниковъ, особенно Аѳинагора, слова котораго нерѣдко повторяетъ буквально.

Аргументацію истины воскресенія мертвыхъ онъ начинаетъ съ той связи, какая существуетъ между Иисусомъ Христомъ и человечествомъ. Если Иисусъ Христосъ облекся истинною плотію, если плоть была искуплена Иисусомъ Христомъ, была, стало быть, произведеніемъ не другого какого-либо Бога, а Бога истиннаго; то падаютъ всѣ сомнѣнія „новыхъ садукеевъ“,—маркіонитовъ, относительно полного воскресенія людей. Изъ того, что въ смерти разрушается только тѣло, между тѣмъ какъ душа остается неразложимой (De resurr. carn. 2. De anima 45), совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы для будущей жизни воскресла одна душа, а тѣло оставалось въ разрушенномъ состояніи. Богъ, говоритъ Тертуллианъ, воскреситъ полного человека, состоящаго изъ души и тѣла. Для разсѣянія основныхъ доводовъ еретическихъ умствованій, Тертуллианъ прибѣгалъ къ

⁶⁵) Доказательства воскресенія мертвыхъ силою таинства Евхаристіи и обитаніемъ благодати въ тѣлѣ вѣрующаго введено въ употребленіе св. Иринея.

⁶⁶) См. „Пять книгъ противъ ересей“ св. Иринея, еп. Ліонскаго. У него мы находимъ объясненіе словъ св. апостола: „плоть и кровь не наследуютъ царства Божія“, приводимыхъ еретиками въ подтвержденіе своего безумія.— что созданіе Божіе не имѣетъ спасенія (кн. V, гл. IX).

⁶⁷) Доказательства относительно воскресенія мертвыхъ.



показаніямъ здраваго смысла и авторитету внѣшнихъ свидѣтельствъ. Такъ, на возраженіе еретиковъ, что плоть недостойна воскресенія, потому что она темница для души, узы, которыми Богъ при воскресеніи не свяжетъ и не стѣснитъ опять душу, какъ она была стѣснена ими до смерти тѣлесной (De resur. carn. 4), онъ убѣдительно говоритъ, что плоть есть твореніе Божіе, созданное Богомъ съ особеннымъ стараніемъ (De resur. carn. 5, 6, 9; De carn. Chr. 4); плоть создана по образу Божію (De resur. carn. 5,—здѣсь подъ плотію Тертуліанъ разумѣетъ всего человѣка); плоть принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ спасеніи человѣка (ibid 7—8 и т. п.),—словомъ, многія преимущества ея вполне могутъ дать и даютъ ей право на воскресеніе. Богу свойственнѣе спасать то, что иногда было одобряемо,—въ этомъ обнаруженіе благости Божіей во всей полнотѣ (De resur. carn. 9—10). Теперь, если со стороны плоти не можетъ быть препятствія къ ея воскресенію, то тѣмъ менѣе можетъ быть, по Тертуліану, препятствій къ тому со стороны Самого Бога. Онъ всемогущъ,—уже ли же Онъ не настолько великъ и силенъ, что не въ состояніи возсоздать и привести въ первый видъ ковчегъ плоти, не смотря на то, самъ-ли собою онъ разрушился, или пожранъ и исчезъ отъ какого-либо случая? Здравый смыслъ, опираясь на фактъ творенія міра, какъ проявленіе божественнаго могущества, невольно приводитъ къ убѣжденію, что Богъ, сильный для созданія изъ ничего, силенъ и для воскресенія,—реальность одного факта—творенія доказываетъ возможность и другого—воскресенія. Дальше, образы воскресенія, встрѣчающіеся въ природѣ внѣшней, по Тертуліану, достаточно утверждаютъ насъ въ истинѣ воскресенія мертвыхъ. „День,—говоритъ Тертуліанъ,—умираетъ и, уступая мѣсто ночи, погребается во тьмѣ. Краса вселенной скрывается подъ похоронными завѣсами. Все дѣлается безцвѣтнымъ, безмолвнымъ, смутнымъ, вездѣ работы прекращаются, природа облачается въ трауръ и оплакиваетъ потерю свѣта. Но вдругъ свѣтъ вновь для вселенной оживаетъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, въ сопровожденіи брачнаго веселія солнца, которое закаляетъ смерть свою, т. е. ночь, раздраетъ свои покровы, т. е. тьму, и переживаетъ само себя, пока опять не наступитъ ночь съ плачевнымъ своимъ облаченіемъ. Тогда начинаютъ блѣднѣть лучи звѣздъ, потухающіе при утреннемъ сумракѣ. Планеты, дцемъ навремя изгнанныя, торжественно возвращаютъ-

ся. Луна возобновляетъ кругъ свой, ослабѣвшій отъ ежемѣсячнаго обращенія. Зима, лѣто, весна и осень преемственно слѣдуютъ другъ за другомъ съ своими обычными вліяніями и произведеніями. На землѣ такіе же законы, какъ и на небесахъ. Деревья воспріемлютъ красоту свою, которой были лишены. Цвѣты появляются съ своимъ разнообразіемъ красокъ. Поля снова одѣваются своею зеленью; сѣмена, истлѣвшія въ нѣдрахъ земли, произрастаютъ не иначе, какъ истлѣвши... Однимъ словомъ, всякая тварь переходитъ отъ смерти къ жизни... Все исчезнувшее приходитъ въ прежнее состояніе, все, переставши существовать, воспріемлетъ бытіе, все оканчивается съ тѣмъ, чтобы возникнуть вновь. Это непрерывное круговращеніе природы есть свидѣтельство воскресенія мертвыхъ,—говоритъ Тертуліанъ“ (De resurr. carnis. 12).

Изъ царства животныхъ подтверждаетъ ту же истину переходъ птицы Феникса⁶⁸) отъ смерти къ жизни (De resurr. carn. 13). Если же въ неразумной природѣ все изображаетъ собою воскресеніе, если въ мірѣ все воскресаетъ, то, замѣчаетъ Тертуліанъ, ужели человѣкъ, царь природы, многимъ лучшій птицѣ, навсегда умретъ? (De resurr. car. 14—35).

Доказавъ, такимъ образомъ, возможность воскресенія, именно, что препятствій къ воскресенію мертвыхъ не окажется ни со стороны плоти, ни тѣмъ болѣе со стороны могущества Божія, Тертуліанъ ставитъ вопросъ: будутъ ли побудительныя причины къ тому, чтобы воскресить плоть?—и отвѣчаетъ на него такъ: „послѣдствія заключаются въ судѣ. Судъ Божій при концѣ міра будетъ полный, совершенный, непреложный. Для этого суда должна будетъ воскреснуть нераздѣльно вся сущность, которая будетъ судима,—полнота и совершенство суда не иначе могутъ быть приведены въ дѣйствіе, какъ когда человѣкъ всего себя представить на судѣ“ (De resurr. carn. 15, 43). „Если человѣкъ состоитъ изъ двухъ сущностей,—тѣла и души, взаимодействіе которыхъ до такой степени сильно, что невозможно провести пограничную черту между областью души и дѣятельностью тѣла (ibid 7), а онъ состоитъ, то, говоритъ Тертуліанъ, возможно ли допустить, чтобы, всеблагій и правосудный Богъ устранилъ отъ суда ту сущность человѣка, которая была такъ тѣсно свя-

⁶⁸) На птицу Фениксъ указывали всѣ древніе церковные писатели, разсуждавшіе о воскресеніи человѣческой плоти. См. соч. Тертуліана „о воскресеніи плоти“, переводъ Каряева.



зана съ душою и такъ дѣятельно помогала ей во всемъ“ (De resur. carn. 7, 8, 16, 40, 34).

Помимо доказательствъ въ пользу истинности и до-
стовѣрности воскресенія (полнаго человѣка) отъ здра-
ваго смысла, Тертуллианъ прибѣгаетъ для подтвержде-
нія того же къ тексту Св. Писанія ⁶⁹⁾ Ветхаго и Но-
ваго Завѣта. Не входя въ подробное разсмотрѣнiе мѣстъ
Св. Писанія, приводимыхъ Тертуллианомъ, мы замѣтимъ
лишь одно то, какъ онъ понимаетъ слова ап. Павла,
говорящія о преображеніи нашихъ тѣлъ (1 Кор. XV,
42—44). Понимаетъ ли онъ измѣненіе тѣлъ въ смыслѣ
совершеннаго уничтоженія прежней тѣлесной организа-
ціи человѣка, или же иначе? По воззрѣнію Тертуллиана,
большая разница — между измѣненіемъ и совершеннымъ
уничтоженіемъ: уничтоженіе плоти извращаетъ самую
идею воскресенія, дѣлаетъ воскресеніе совершенно из-
лишнимъ и бесполезнымъ актомъ; между тѣмъ какъ из-
мѣненіе, преображеніе тѣлъ подкрѣпляетъ эту идею, —
быть измѣненнымъ — значитъ сдѣлаться другимъ, оста-
ваясь притомъ тѣмъ же, сохраняя прежнюю сущность
(De resur. carn. 55—56). Измѣненіе плоти будетъ со-
стоять въ исцѣленіи ея отъ тѣлесныхъ недостатковъ.
Воскреснетъ плоть цѣлостная, безъ этихъ физическихъ
недостатковъ. „Если Богъ, — говоритъ Тертуллианъ, — не
воскреситъ людей цѣлыми, то не воскреситъ и мерт-
выхъ“ (De resur. carn. 57). (Воскресшая плоть обле-
чается въ нетлѣніе (ibid. 60), люди будутъ жить, яко
ангели Божіи на небесахъ (Мѡ. XXII, 30. De resur.
carn. 62), не имѣя нужды въ физиологическихъ отпраще-
леніяхъ своего организма и поддержаніи его матеріаль-
ною пищею; „члены тѣла не будутъ страдать подъ бре-
менемъ человѣчества“ (ibid. 61); люди не будутъ по-
ставлены въ такія же соціальныя условія жизни, какъ
на землѣ, — все различіе въ ихъ положеніи будетъ за-
висѣть отъ степени славы, какой они удостоятся (ibid.
49 и 52).

Изъ церковныхъ писателей III вѣка и начала IV в.,
трактовавшихъ о воскресеніи человѣческой плоти, обра-
щаютъ на себя вниманіе Оригенъ и св. Меодій тирскій.

Оригенъ укрѣпляетъ вѣру въ воскресеніе человѣче-
ской плоти тою мыслию, что хотя тѣло есть темница ду-
ши, но, съ другой стороны, оно есть орудіе души, безъ
котораго тварное существо немислимо, потому что одинъ

⁶⁹⁾ Мѣста св. Писанія, проводимыя Тертуллианомъ въ доказательство
воскресенія мертвыхъ, тѣ же, что и мы указали въ началѣ своего послѣдо-
ванія.

Богъ есть духъ чистѣйшій. „Если тѣла, — пишетъ онъ, —
воскреснутъ, то, безъ сомнѣнія, для того, чтобы послужить
для насъ одеждою, и если необходимо, чтобы мы были
въ тѣлѣ, а это, конечно, необходимо, то мы не должны
быть въ другихъ тѣлахъ, какъ только нашихъ. Невѣж-
ды и невѣрующіе думаютъ, что наша плоть погибнетъ
по смерти, такъ что не останется рѣшительно ничего
отъ ея субстанціи. Что касается насъ, вѣрующихъ въ
воскресеніе, то мы знаемъ, что смерть только преобра-
зовываетъ, что субстанція не уничтожится, а только
подвергнется измѣненію, когда волѣ Создателя угодно
будетъ возвратитъ ее къ жизни. Вѣра Церкви не до-
пускаетъ, подобно извѣстнымъ греческимъ философамъ,
что это тѣло, составленное изъ четырехъ стихій, при-
метъ пятую стихію, совершенно отличную отъ этихъ.
Писаніе нисколько не благопріятствуетъ этому пред-
положенію. Напротивъ, св. апостоль яено сказалъ, что
мы воскреснемъ въ тѣхъ самыхъ тѣлахъ, какія теперь
имѣемъ, только преобразованныхъ въ лучшее состояніе.
Да и справедливость требуетъ, чтобы мы получили на-
граду и наказаніе въ томъ же самомъ тѣлѣ, въ кото-
ромъ заслужили ихъ, и потому безсмертіе тѣла ожи-
даетъ всѣхъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ“ (De princp.
II, 10; III, 6). Такъ рассуждалъ Оригенъ на первыхъ
порахъ о будущемъ воскресеніи. Изъ сказаннаго видно,
что Оригенъ, защищая истину воскресенія мертвыхъ
отъ еретиковъ, остался совершенно вѣренъ общецер-
ковному ученію, отстаивая тождественность съ настоя-
щими будущихъ тѣлъ, въ виду необходимаго участія
ихъ вмѣстѣ съ душами въ будущемъ воздаяніи. Если
бы онъ ограничился выясненіемъ того, что будущія тѣ-
ла, какъ имѣющія обладать духовными свойствами, бу-
дутъ совершенно чужды нынѣшнихъ чувственныхъ по-
требностей и такихъ же органическихъ отпраще-
леній, то остался бы до конца жизни вѣренъ общецерковному
ученію о воскресеніи человѣческой плоти. Но Оригенъ
пошелъ дальше и впалъ въ заблужденіе, сущность ко-
торого въ томъ, что онъ сталъ представлять будущія
тѣла, подобно обликамъ безплотныхъ духовъ, безуслов-
но чуждыми всякой тѣлесности и эфирными, и для про-
исхожденія этихъ тѣлъ искусственно предположилъ въ
настоящемъ тѣлѣ, кромѣ матеріальной, другую немате-
ріальную субстанцію ⁷⁰⁾. Прямыхъ слѣдствіемъ этого
было отрицаніе допускаемой Оригеномъ тождественно-

⁷⁰⁾ См. Догматич. Богословіе еп. Сильвестра.



сти будущихъ тѣлъ съ настоящими. Такое мнѣніе Оригена, доведенное почитателями его до крайности, вызвало противъ себя оппозицію, именно: пятый вселенскій соборъ сдѣлалъ такое опредѣленіе, направленное противъ ученія оригенистовъ: „кто утверждаетъ, что тѣло Господа, по воскресеніи, сдѣлалось эфирнымъ и приняло сферическую форму, каковыми тѣлами въ воскресеніи облекутся и всѣ разумныя твари,—кто утверждаетъ, что какъ Христосъ совлекся Своего земнаго тѣла, такъ и всѣ разумныя существа не будутъ имѣть въ воскресеніи подобныхъ настоящимъ тѣлъ,—да будетъ анаѳема“.

По воззрѣнію св. Меодія тирскаго (умерш. въ 310 г.), въ составѣ человѣка тѣло — не темница души, какъ думалъ Оригенъ, а существенная часть природы человѣка; по плану Творца, тѣло создано безсмертнымъ и смерть явилась влѣдствіе грѣха. Дѣло Божіе должно возстановиться въ своемъ видѣ. Смерть попускается съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, разрушеніемъ тѣлеснаго состава совсѣмъ изгладить грѣхъ въ тѣлѣ, который иначе живетъ до гроба и въ лучшемъ христіанинѣ; съ другой стороны, преобразованіемъ испорченнаго состава исцѣлить въ немъ язвы грѣха. Такимъ образомъ, первоначальное тѣло не должно уничтожиться; это было бы противно идеѣ о Богѣ и человѣкѣ; оно только преобразится.

Что касается отцевъ и учителей церковныхъ дальнѣйшаго періода времени, то замѣтимъ, что они учили въ такомъ же смыслѣ какъ вообще о воскресеніи мертвыхъ, такъ и въ частности о тождественности будущихъ воскресшихъ тѣлъ съ настоящими, то больше повторяя, то отчасти разясняя и точнѣе опредѣляя прежнее объ этомъ церковное ученіе.

Примѣчаніе. Статья «Догматъ о воскресеніи человѣческаго тѣла» въ первый разъ была напечатана въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1904 годъ.